

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Философский факультет

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
Материалы V Антропологических чтений студентов,
магистрантов, аспирантов

Томск
2019

УДК 3. 378

ББК 87.5

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Г.И. Петрова, профессор, д. филос. н.
А. Шевченко, магистрант философского факультета
Н. Гурский, магистрант философского факультета
И. Федорова, магистрант философского факультета

Антропологические чтения (20 декабря 2018 г.)
Материалы V Антропологических чтений аспирантов, магистрантов,
студентов философского факультета и Института искусств и культуры
НИ ТГУ/ Под редакцией Г.И. Петровой. – Томск, 2019. – 73 с.

Представлены Материалы V
Антропологических чтений студентов,
магистрантов, аспирантов
философского факультета и Института
искусств и культуры НИ ТГУ,
прошедших 20 декабря 2018 г. В
Томском государственном
университете

УДК 3. 378

ББК 87.5

СОДЕРЖАНИЕ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

<i>Горбачев Дмитрий Олегович.</i> «Исповедь» св. Августина: антропологические идеи.....	4
<i>Деянова Кристина Александровна.</i> Антропологические идеи Г. Спенсера	11
<i>Елеусиз Рамазан-Малик Куатулы.</i> Место сериала в современной массовой культуре.....	17
<i>Зырянова Екатерина Алексеевна.</i> Специфика бытия человека в картине мира учащихся колледжей и вузов.....	23
<i>Май Берта Владимировна.</i> Опыт переживания страха в искусстве.....	30
<i>Мезенцева Анастасия Валерьевна.</i> Прологомены эроса.....	36
<i>Огреба Анастасия Владиславовна.</i> Антропологический эротизм в философии Жоржа Батая.....	40
<i>Онищенко Екатерина Дмитриевна.</i> Адаптация в контексте антропологии образования.....	46
<i>Плюснин Лев Витальевич.</i> Человек в предвидении будущего, принимающий решение в настоящем.....	52
<i>Сигарева Валерия Константиновна.</i> Студент как образовательная субъективность: проблематизация и постоянное конструирование себя как основные антропологические характеристики.....	56
<i>Фокина Юлия Юрьевна</i> Философско-антропологические мотивы в живописи Сальвадора Дали.....	61
<i>Хуторная Ксения Олеговна</i> «Невежда», «Неуч», «Профан», «Знающий», «Интеллектуал», «Образованный» – концептуальные персонажи Просвещенческого проекта образования.....	70

«ИСПОВЕДЬ» АВГУСТИНА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ

Аннотация: На основе работ, в центре которых будет выступать «Исповедь» Августина Блаженного – философа, христианского богослова, одного из влиятельнейших проповедников и отцов христианской церкви, в данной статье будут выявлены философско-антропологические идеи древней Греции и Августина как представителя средневековой эпохи. В антропологическую философию Августина Блаженного входит большой, разнохарактерный человеческий опыт. Большое внимание в работах Августина Блаженного уделено душе, разуму, также дохристианской философии в целом.

Ключевые слова: человек, христианство, религия, разум, душа, познание, платонизм.

В каждой исторической эпохе, в каждой культуре присутствует определенная модель человека, его тип мышления и мировоззрение.

Человеке в период античной культуры, в Древней Греции – это человек, воспитанный в духе калокагатии, он прекрасен и совершенен. Затем, уже в Древнем Риме, человек – это прежде всего гражданин, высшим благом для которого выступает полис. В рамках средневековья модель человека снова подвергается изменениям. На основе работ, в центре которых будет выступать «Исповедь» Августина Блаженного – философа, богослова, одного из самых влиятельных отцов христианской церкви, в данной статье будут

выявлены философско-антропологические идеи Древней Греции и Августина как представителя средневековой эпохи.

«Исповедь» - это общее название сочинений Августина Аврелия, написанные около 397-398 года от Рождества Христова. «Исповедь» представляет собой автобиографическое сочинение, которое было первым образцом данного жанра в литературе Средневековья, она содержит рассказ о жизненном пути Августина и его духовных поисках.

Августин жил в период IV-V веков до нашей эры, основой воспитания для автора «Исповеди» послужила греческая философия – учения Платона и неоплатоников. Говоря об антропологическом аспекте в философии Августина Блаженного, следует иметь в виду большой, разнохарактерный человеческий опыт. Работы Августина показывают, насколько средневековый философ виртуозно и с должной степенью самонаблюдения и самоанализа подходит к различным вопросам, касающимся человеческой души, поиска истины, стремления к Богу. Возможность фокусировать внимание на тончайших проявлениях человеческого духа, на трудноуловимых, подчас мимолетных переживаниях, способность анализировать душевные состояния и обнаруживать самые глубокие основания чувств и побуждений – вот что составляет особенность антропологической концепции Августина.

Темой, которая отчетливо прослеживается в «Исповеди» Аврелия Августина является восхождение человека, просветленной личности к Богу. «Исповедь», представляя собой автобиографический труд, который позволяет проследить путь Августина от греческой философии к христианскому откровению.

Стоит отметить, что слово «исповедь», послужившее названием для сочинения Августина, имело иной смысл для людей, живших несколько веков назад, и включает в себе несколько значений. В эпоху жизни Августина слово «исповедь» употреблялось чаще в теологическом контексте для обозначения таких действий, как благодарность и покаяние.

«Теологический лексикон объясняет, что на исповеди верующий в присутствии священника открывает свои грехи Богу и через него получает прощение от Иисуса Христа и благодать Святого Духа. Чувство радостного облегчения верующего находит свое естественное выражение в словах благодарственной молитвы» [3]. Августин для своего произведения избрал жанр «обращения», однако автор в избранный им традиционный род литературы, состоящий из двух частей, привносит новую дополнительную часть, построенную в виде комментария на библейский текст. В период античности мотив «обращения» использовался достаточно часто в различных жизнеописаниях религиозных деятелей и философов. «Так, под влиянием сверхъестественных причин Сократ оставляет ремесло каменотеса и посвящает свою дальнейшую жизнь философии; Платон после встречи с Сократом сжигает свои трагедии и становится его учеником» [3].

Также следует отметить, что «Исповедь» – это не просто история обращения язычника в христианина, а скорее произведение отречения, рассказ о том, как языческий ритор становится теологом. Августину удалось достаточно откровенно, подробно и ярко описать изменение своей души, весь пройденный им жизненный путь, в котором он проявляется как в достаточной степени мобильный, открытый новым идеям человек, находящийся в постоянной перемене занятий, увлечений, мест.

В своем труде «Исповедь» Августин рассуждает о разуме человека, он говорит: «Они не познали Пути, Слова Твоего, Которым Ты создал и то, что они вычисляют, и тех, кто вычисляет, и чувство, которым они различают предметы вычислений, и разум, с помощью которого вычисляют: «мудрость же Твоя неисчислима» [4]. Человеческий разум, по мнению Августина Блаженного, представляет собой одну из наиболее неопределенных и сомнительных вещей в мире. Разум, не способен указать человеку путь к истине и мудрости, ясности, до тех пор, пока он не будет просвещен божественным Откровением.

П.С. Гуревич в своей работе «Философия человека», говоря об антропологической концепции Августина, упоминает что разум, в его видении, имеет не простую и единую, а скорее двойную и составную природу [1]. Человек был создан по образу Божию, и в своем первоначальном состоянии – в том, в каком он вышел из божественных рук, он был равен своему прототипу. Но все это было им утрачено после грехопадения Адама. А сам по себе, наедине с собой и своими собственными возможностями он не способен найти путь назад, перестроить себя своими силами и вернуться к своей изначально чистой сущности. Если бы подобный возврат и был возможен, то лишь сверхъестественным образом – с помощью божественной благодати. Такова новая антропология, как она понимается Августином и утверждается во всех великих системах средневековой философии, пишет Гуревич [1].

Августин считал, что вся дохристианская философия в целом, была подвержена одной ошибке, а именно она превозносила власть разума как высшую силу человека. «Утверждение же Августина, что первый шаг на пути богопознания есть принятие на веру Откровения, может показаться парадоксальным: тем самым предлагается принять без доказательств то, что нам надлежит доказать. Но здесь нет противоречия. Об этом свидетельствует опыт самого Августина, который потратил долгие годы на безрезультатные поиски истины средствами разума» [1].

Большое внимание в работах Августина Блаженного уделено душе, ее он называет некой самобытной субстанцией, которая не может быть ни телесным свойством, ни видом тела. От тела душа отличается совершенством. Такое понимание души существовало и в греческой философии, однако характерной чертой, отличавшей понимание Августина, является то, что совершенство души якобы исходит от Бога, и именно душа познает Бога, тело же человека в данном случае препятствует познанию. Однако на вопрос, как связано тело и душа определенного ответа в работах

Августина найти не представляется возможным, здесь средневековый философ полагает, что это тайна, недоступная для человека.

В качестве философского фундамента теологии Августина выступает древнегреческая философия, а именно учения Платона и неоплатоников. С точки зрения Августина Блаженного, данные философские системы способны наиболее полно и точно обосновать, а также доказать людям истинность христианского вероучения. Августин провел серьезную и глубокую работу по христианизации платонизма и неоплатонизма, возводя в абсолют лишь те принципы этих учений, которые соответствовали христианству, и отвергая те, которые были неприемлемы для него. Впоследствии, в течение нескольких веков платонизм и неоплатонизм воспринимались европейскими философами исключительно в христианизированной и достаточно ощутимо усеченной форме, заданной Августином.

Говоря об изменении и преобразовании древнегреческих философско-антропологических идей, можно сказать, что Августин отвергает неоплатоническое учение о том, что Бог излучает весь мир, и потому един с миром и формулирует положение о дуализме Бога и мира и также об их противопоставлении друг другу. Бог создал мир и абсолютно не зависит ни от природы, ни от человека. Природа же и человек, наоборот, полностью зависят от Бога.

В вопросе о добре и зле, а именно откуда берется это зло, Августин вновь обращается к учениям Платона и неоплатоников. Все зло в мире происходит от материальной природы мироздания. Все зло в человеке — от его материального тела. Сама материя и человеческое тело были созданы Богом и, значит, не могли быть источником зла. Августин приходит к мысли, что зла и вовсе не существует. Зло — это искаженное материальностью Божественное добро. В данном случае Августин опирается на учение Платона об идеях, которые согласно данному учению, присутствуют в материальных телах, но искажаются материей. Также и добро, данное Богом

человеческой душе, не способно найти своего полного выражения, поскольку материальное тело ослабляет его, тем самым становясь некой преградой. В результате Августин приходит к отрицанию земной жизни вообще. Земная жизнь людей — лишь преддверие жизни вечной, нематериальной, духовной.

«Система образов, привлеченная Августином для описания мира, открывающегося ему с помощью нового, «духовного» слова, связана со «зрением» — «я увидел», «оком души», «свет немеркнущий», «Ты ослепил слабые глаза мои» [4]. В контексте философии платоников зрение понималось как основа познания. Согласно онтологии платонизма, душа философа, созерцая ступени эманации «единого», последовательно проходила этапы освобождения от сковывающей ее материи» [3]. Августин открывает для себя ценности невидимого идеального мира с помощью «духовного слова».

Таким образом, можно говорить о том, что в данной статье были проиллюстрированы антропологические идеи средневекового философа и христианского теолога Августина Блаженного, выявлены истоки его воззрений, которые в большинстве своем базируются на греческой философии, учении Платона и неоплатоников и представляют собой некую христианизированную и усеченную форму, заданную Августином в его работах.

Литература

1. Гуревич П.С. Антропологическая концепция Августина Блаженного [Электронный ресурс] // URL: <http://society.polbu.ru/> (дата обращения 26.11.2018).
2. Бультман Р. Первоначальное христианство в контексте древних религий // Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. М.: РОССПЭН, 2004. – с. 489-500.
3. О поэтике «Исповеди» [Электронный ресурс] // URL: <http://drevlit.ru/> (дата обращения 3.12.2018).
4. Аврелий Августин. «Исповедь» [Электронный ресурс] // URL: <http://e-reading.club.ru/> (дата обращения 30.11.2018).

Деянова Кристина Александровна
студент 4-го курса философского факультета
Национального исследовательского Томского
государственного университета

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ Г.СПЕНСЕРА

Аннотация: В статье освещаются представления философа Герберта Спенсера о воспитании детей. Также излагаются его взгляды на то, каким должен быть человек, и как к этому прийти, как воспитать ребенка в соответствии с этим представлением. Статья написана на основе работы означенного философа «Воспитание умственное, нравственное, физическое». Используются и другие философские произведения автора, связанные с антропологической темой. Освещается позиция Герберта Спенсера по поводу философии образования, рассматривается его вклад в развитие мировой педагогики.

Ключевые слова: человек, ребенок, воспитание, образование, философия образования, наука, философия Герберта Спенсера.

В данной статье обсуждается философская деятельность Герберта Спенсера. Что мы знаем об этом философе, каковы его философские взгляды, и почему нам так важно знать его наследие? Хотелось бы обратиться именно к этой теме, к вопросу о том, какой вклад в антропологию и философию образования внес Герберт Спенсер?

Герберт Спенсер прожил почти весь 19 век – родился в 1820 и дожил до 1903 года. Это был философ, социолог и антрополог. С антропологией у

данного философа связана теория эволюционизма. Можно сказать, что эта теория явилась переложением биологической теории эволюции на социальную сферу. Надо отметить, что эта теория была популярна в свое время, но сейчас она считается сомнительной из-за высказанной Г. Спенсером идеи наличия в мире высших и низших рас, на которой она построена. Кроме того, Герберт Спенсер переносит теорию эволюционного развития с принципами выживания сильнейшего и естественного отбора, закрепления способствующих выживанию признаков на социальную сферу жизни людей, на психологию и этику. Это наблюдается в статье «Сравнительная психология человека». Следующая цитата иллюстрирует подобный тезис: «Некоторые факты, по-видимому, доказывают, что помесь между чрезвычайно несходными человеческими расами производит никуда не годный тип духа, т.е. дух, непригодный ни к тому роду жизни, который ведет более высокая из этих двух рас, ни к тому, который ведет более низкая из них» [2. С.360] Тем не менее, изучить его взгляды на воспитание детей не безынтересно, потому, что в этом вопросе названная идея не явилась доминирующей. Общество – это организм, который тоже развивается по принципу эволюции, и, соответственно, этот принцип, считает данный мыслитель, относится и к человеку, а, следовательно (что для данной статьи важно сказать), и к воспитанию детей. Ключевое понятие в философии Спенсера и в его представлениях об образовании – адаптация.

Можно понять, почему, читая книгу Герберта Спенсера "Воспитание умственное, нравственное и физическое", так часто встречаются слова "приспособление к жизни". Это вызвано тем, что «приспособление» – одна из основных категорий теории эволюционизма. В свете этой теории понятно, почему Спенсер предлагает воспитывать детей так, чтобы они могли жить самостоятельно и благополучно. В этом смысле идея приспособления к жизни имеет позитивное содержание. Действительно, в чем смысл воспитания, если не в развитии, самореализации себя? Каждый обязан

чувствовать себя свободным, уметь самостоятельно жить, уметь позаботиться о себе и решать свои проблемы.

Обратимся к рассмотрению его работы: «Воспитание: умственное, нравственное и физическое». Эта работа была издана в 1861 г., как собрание ранее опубликованных Спенсером в различных журналах статей, посвященных вопросам воспитания.

Что в данной работе связано с философией образования? Почему его сочинение нужно рассматривать именно в данной философской дисциплине? Г.Спенсер говорит о создании человека, его, если можно так сказать, «готовке». То есть, ребенок способен стать каким угодно в зависимости от воспитания. И для того, чтобы будущие поколения были жизнеспособными, и могли обеспечить себе благополучную жизнь, упомянутый философ развивал свою концепцию образования.

Глава первая «Какие знания важнее всего» посвящена рассмотрению такого вопроса, как «Чему надо учить детей». Главный принцип здесь – полезность. Для того времени выдвижение принципа полезности в образовании было необычным. Исследуемый философ критикует организацию образовательного процесса своего времени и стремится сделать его более эффективным так, чтобы оно приносило пользу тем, кто его получает. Он утверждает, что годы, проведенные за учебой, не возмещаются результатом обучения.

Герберт Спенсер ранжирует виды деятельности по их целям: какие-то важны для выживания, какие-то – для создания необходимых условий для жизни, для воспитания детей, для досуга. Они перечислены в порядке важности. По мнению Спенсера, надо организовать образование в соответствии с важностью деятельности, которой обучают – уделять больше времени более важным дисциплинам. Автор также заявляет, что современное ему образование не соответствует этим критериям, и не дает человеку необходимых в жизни знаний. Не дает человеку обладать нужными знаниями, и из-за этого у людей возникают проблемы.

Спенсер предлагает реформировать учебу так, чтобы у людей были все необходимые знания, и не было лишних. Важность же знаний уменьшается по ходу списка Спенсера. Так, наиболее важными являются навыки, необходимые для самосохранения, а малозначительными знания об искусстве.

В плане умственного образования Спенсер критикует обучение многим гуманитарным дисциплинам, например, истории из-за того, что они не несут пользу, а лишь занимают время, для запоминания бессмысленных дат и имен правителей. Согласно Герберту Спенсеру, образование должно быть полезным в повседневной жизни человека. Действительно, каждый из нас провел много времени в школе, изучая историю, к примеру, Древнего Египта, знание которой в нашей повседневной жизни не применяется.

В конце главы Спенсер приходит к выводу, что есть универсальный тип знаний, при преподавании которого удовлетворяются в нужной степени все потребности в образовании – это естественные науки. Естественнаучное знание по Спенсеру дает все необходимое при обучении, так как оно способствует всестороннему развитию ребенка. Именно изучение естественных наук развивает такие необходимые способности, как память, внимание, мышление. Такого рода обучение дает человеку возможность обучения деятельности для выживания, для обеспечения жизненно необходимого, для воспитания детей, для эстетического восприятия мира.

Следующая глава посвящена воспитанию нравственному. В ней подробным образом Герберт Спенсер излагает свои взгляды на то, как следует воспитывать детей в моральном плане. Рассматривается вопрос приучения детей к правильному поведению, чтобы они не наносили вред ни себе, ни окружающим людям.

Автор считает это очень важной сферой воспитания. По его мнению, большинство людей не готовы воспитывать своих детей потому, что у них нет необходимых для этого знаний. Они не информированы в достаточной степени о том, как правильно воспитывать подрастающее поколение. Герберт

Спенсер заявляет, что родители должны научиться управлять поведением своих детей.

Автор предлагает такой способ: стать другом ребенку, не запрещать, а направлять его. Потому что запреты приведут лишь к ненависти по отношению к родителям и к тому же не научат ребенка ничему. Это первое правило.

Второе же правило в том, чтобы приблизить процесс воспитания к естественному процессу причин и последствий в реальном мире. То есть, дети не должны ждать наказания от родителей и ассоциировать его именно с ними. Нет, ребенок должен понимать, что наказание не от родителей, но от того, как он сам себя повел, какой ущерб нанес. В качестве примера можно привести рекомендацию Герберта Спенсера про девочку, которая постоянно опаздывала на ежедневную детскую прогулку, и няня никак не могла это исправить. Угрозы и крики, по мнению автора, не работают в таком случае и не отвечают приведенным выше двум правилам. А нужно – всего лишь уйти на прогулку без этой девочки: раз или два она посидит дома и поймет последствия своего поведения. Как мы видим, в данном случае ребенок не будет злиться на родителей, но поймет, что причиной своего наказания было его же поведение.

В последней главе говорится о физическом воспитании, о питании. О том, что и достаточное питание, и достаточное количество физических упражнений – неотъемлемая часть правильного воспитания.

В заключение хотелось сказать, что на момент выхода книги Герберта Спенсера эти взгляды были, можно сказать, революционными. Автор выступал против насилия над детьми (побоев, криков), выступал за то, чтобы люди обучались, как правильно воспитывать своих детей. Также упомянутый философ выступал за более естественное обучение детей, так чтобы они сами познавали мир и осознавали последствия своих поступков. Как становится ясным, таким способом можно вырастить свободных, полностью самостоятельных, умных и любознательных людей, полностью

приспособленных к жизни. А ведь в этом и должна быть истинная цель образования. Можно сказать, Герберт Спенсер оставил нам интересное до сих пор педагогическое наследство.

Хотелось бы привести интересную цитату рассматриваемого автора: «...Устройте так, чтобы история вашего семейного управления представляла в миниатюре историю государства; в первые годы пусть господствует неограниченная власть, так как она, действительно, необходима; мало-помалу, переходите к управлению конституционному, при котором признается уже, до известной степени, свобода подданных, а затем, постепенно расширяя свободу ваших детей, отрекитесь, наконец, совершенно от родительской власти».[1. С.140] Можно прийти к заключению, что здесь высказано стремление воспитать людей самостоятельных.

Несмотря на недостатки его предложений, связанные с теорией эволюционизма и мнения Герберта Спенсера о том, что образование могут получать только состоятельные слои населения, а также, несмотря на высказанные идеи относительно, того, что в женщинах следует видеть только продолжательниц рода, мы можем видеть, сколько интересных идей предоставил нам этот философ. Можно так же заметить, что он выступал против насилия в семье. В целом, его идеи воспитания достаточно современны, и для своего времени они были прогрессивными. Так мы можем отметить большой вклад Герберта Спенсера в развитие педагогики и культуры в целом.

Литература

1. Спенсер Г. Воспитание умственное, нравственное физическое. – М.: Изд-во УРАО, 2002. – 287 с.
2. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. – Минск: Современный литератор, 1998. – 1408 с.

Елеусиз Рамазан-Малик Куатулы
студент 2-го курса философского факультета
Национального исследовательского
Томского государственного университета

МЕСТО СЕРИАЛА В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Современный цивилизованный человек не может избежать столкновения с массовой культурой, а кинематограф – один из ее главных столпов. Изучение массового кинематографа, следовательно, является актуальным и интересным. В данной статье я попытался обозначить его признаки и функционал.

Ключевые слова: массовая культура, сериал, массовое кино.

Объект данного исследования – массовая культура, явленная в кинематографе. Для начала следует разобраться с самим понятием «массовая культура». Термин этот появился не так давно, в XIX-XX веке, немногим позже самого феномена. Первые попытки описать массовую культуру и человека массы предпринял Хосе Ортега-и-Гассет в работе “Восстание масс”. В ней говорится о присущем любому обществу разделению на массы – большую часть населения, и элиту – интеллектуальное меньшинство. Человек массы – эгоистичен, глуп и жаден, чаще всего лишен творческого потенциала. Человек же элиты, напротив – обладает широким творческим потенциалом и способен задавать ценности большинству. Трагедией современного общества он считает засилье масс в тех местах, где должна властвовать элита. Французский философ Ги Дебор считал, что вся современная культура, как и политика, превращается в сплошное зрелище:

манящие образы, играющие на примитивных человеческих инстинктах, продают себя зрителю, который, потребляя их, лишен обязанности думать. Бодрийяр диагностировал симулятивность массовой культуры как следствие ее коммерциализированности. Коммерциализируясь, культура деградирует, так как коммерция ведет к глобализации. А глобализация, в свою очередь, ведет к подстройке под среднего зрителя, то есть к упрощению культурного продукта.

Итак, массовая культура зародилась в XIX веке, и, несмотря на порицание со стороны интеллектуалов, до нашего времени лишь расширяла свои границы. Современную культурную ситуацию можно описать термином *po-brow*: теоретики культуры (Джон Сибрук) считают, что высокой культуры и низкой культуры как таковой больше не существует, существует лишь *po-brow*. Имеем, что имеем. Сейчас каждый цивилизованный человек является частью массовой культуры. И, пожалуй, одним из столпов массовой культуры является кинематограф. Отсюда и вытекает актуальность исследования массового кинематографа.

Целью массовой культуры является не только прибыль, но и воспитание человека массы. Воспитательная функция массовой культуры обнаруживает себя по-разному. Если, например, иметь в виду, Квентина Тарантино и “Мстителей”, то первый случай – это независимый автор, второй – предельно коммерциализированная опухоль на многострадальном теле кинематографа. Следует говорить о нескольких факторах, наиболее ясно отражающих его воспитательную цель:

1. Социализация человека.
2. Выработка нравственных ориентиров.
3. Рекреационная функция.
4. Идеологическая функция.

Идеологическую функцию массового кино можно проиллюстрировать на творчестве советского режиссера Сергея Эйзенштейна. Для тех, кто знаком с творчеством Эйзенштейна, нет нужды объяснять, что Эйзенштейн был настолько же гением, насколько идеологом. А для тех, кто не знаком, достаточно будет упомянуть, что Геббельс, после просмотра фильма

“Броненосец Потемкин”, заявил, что не будь он Геббельсом, он стал бы коммунистом. Сам Эйзенштейн считал, что кинематографический образ сродни иероглифу, у которого есть лишь одно значение. И талант режиссера заключается в том, чтобы при помощи монтажных склеек вызвать у зрителя заранее просчитанные эмоции и мысли. Как видим, Эйзенштейн, как теоретик кино – манипулятор. Его киноязык и концепция интеллектуального монтажа относится к мыслям зрителя как к пластилину, из которого можно слепить что угодно. Внушение идей – способ воспитания, но чем внушенная идея – не знание. Тогда просмотр такого кино – акт познания. Просмотр любого кинематографа является актом познания, потому что автор всегда ведет диалог со зрителем своей картины, путем внушения идеи, либо путем постановки проблемы. Массовое кино ставит проблему и дает ответы, элитарное же кино чаще всего предпочитает ограничиться вопросом.

Но то были времена идеологий и кинематографа, сейчас же мы вступаем в эпоху сериалов. Некоторые киноведы и вовсе констатируют победу сериалов над кино. Описывать борьбу за зрителя между ними нет смысла стоит лишь сказать, что следствием этой борьбы стало предельное упрощение массового кино, его уход к предельной агрессивности и сексуальности образов, буйству фейерверков. И, напротив, сериалы все дальше продвигаются к авторскому видению. Многие авторы “Неоголливуда” уходят в стримминговые сервисы типа “Нетфликс” за большей свободой авторского выражения.

Но чем же сериалы так привлекательны для современного зрителя? Виталий Куренной в своей лекции для ВШЭ заявляет, что наша нужда в сериалах на самом деле фальсифицирует постмодернистскую теорию Лиотара. Нужда в сериале – это, по сути, нужда в метанарративе. Из-за предельной фрагментарности всего нашего социального быта, мы нуждаемся в больших и целостных историях. В бешеном темпе современной урбанизированной жизни нам не хватает больших повествований. Ведь вся человеческая коммуникация представляет собой рассказ историй.

Сериалы сегодня создают культурное пространство, такое же, какое раньше создавали книги. Чтобы поддержать коммуникацию сегодня достаточно завести разговор о сериалах.

Ева Раппопорт сравнивает сериалы с романами, и это сравнение имеет смысл. Если для людей XIX века главным источником знаний о мире и основным средством социализации служили художественные романы, то для поколения XX и XXI веков эту роль, безусловно, играют сериалы. Телесериалы расширяют кругозор зрителя: знакомят его с профессиями, иными культурами, историческими событиями. Виталий Куренной, к примеру, считает, что сериалы схватывают “дух времени”, пусть и в художественной манере. При помощи сериалов общество может взглянуть само на себя. Объяснить себя для себя.

Сериалы чаще всего представляют собой рассказ о нормах и способах повседневного существования в обществе. Часто, чтобы объяснить, как функционирует общество, авторы сериалов вводят персонажа трикстера, для которого не существует никаких социальных норм. Но именно благодаря его действиям, все моральные и социальные нормы обретают значение. Например, фигура доктора Хауса в одноимённом сериале, является классическим примером трикстера. В самом сериале показана социология профессии и раскрывается сущность образа профессионала. Делая героя социопатом, авторы позволяют заново задуматься над устоявшимися и очевидными общественными нормами.

Современная сериальная продукция уходит от попыток создать идеальный образ героя в пользу героя неоднозначного, руководствующегося гипотетическим, а не категорическим императивом. Зритель легче сопереживает такому герою, и вместе с ним решает моральные и этические дилеммы, перед которыми ставится герой сериала. Таким образом, сериал выполняет свою воспитательную функцию, научая зрителя нравственности. Примером может послужить сериал “Во все тяжкие”, где личности героев усложнены настолько, что невозможно разделить персонажей на

положительных и отрицательных, а ситуации всегда ставят героев перед выбором “между двух зол”.

Естественно, далеко не каждый фильм оказывает хоть какое-нибудь влияние. Все зависит от кинематографических предпочтений, подстройка под которые, обеспечит внедрение необходимых идей. Российский социолог Мария Скрипкарь выделила три типа этих предпочтений: Первый тип – потребность в динамичных и ярких фильмах. Этот тип, по ее мнению, обнаруживают подростки 14-19 лет. Однако, есть сомнения по поводу релевантности такого утверждения, если учесть все возрастающую инфантилизацию молодых людей. Второй тип предпочтений – пониженный интерес к кинематографу, который проявляют молодые люди 20-24 лет. Третий тип составляют предпочтения тех, кто смотрит фильмы с целью побега от реальности. Если фильм соответствует кинематографическим предпочтениям зрителя, то его способность конструировать социальную реальность повышается. С одной стороны, такая функция кинематографа полезна, так как помогает воспитывать и социализировать людей. С другой, – все это предельно тоталитарно, да и массовый кинематограф все реже направлен на формирование положительных норм и ценностей.

Таким образом, современные сериалы – сложное социально-культурное явление, имеющее специфику художественного содержания и функциональное назначение.

Литература

1. Вальтер, Б. Учение о подобию. Медиаэстетические произведения. / Вальтер. Б. – М: РГГУ, 2012 - 288 с.
2. Павлов А. В. Постыдное удовольствие: философские и социально-политические интерпретации массового кинематографа. / Павлов А. В. - М: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014 – 360 с.
3. Логос №3 [93], "Теория большого сериального взрыва" - М.: Издательство Института Гайдара, 2013.

4. Скрипкарь М.В. Манипулятивные технологии кинематографа // Вестник БГУ, №6а. - 2009. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2009. - С. 288-293.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Бодрийяр Ж. - М: Добросвет, 2000 – 389 с.
6. Сибрук Д. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры. / Сибрук Д. - М: Ad Marginem, 2013 – 240 с.

*Зырянова Екатерина Алексеевна
Студент 4 курса философского факультета
Национального исследовательского
Томского государственного университета*

СПЕЦИФИКА БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В КАРТИНЕ МИРА УЧАЩИХСЯ КОЛЛЕДЖЕЙ И ВУЗОВ

Аннотация: В статье рассматривается специфика восприятия человека как своеобразной онтологической категории в характерной для студенчества картине мира. Исследуются результаты образовательного проекта «Ядро бакалавриата» на четырех факультетах ТГУ, а также на результаты анкетирования студентов, не участвовавших в проекте. Делается вывод о господствующей в студенческой среде картине мира и о месте человека в ней.

Ключевые слова: философская антропология, бытие, человек, картина мира, студенчество.

Вопрос о бытии человека бесконечно глубок и особенно актуален в периоды сломов, кризисов, социальных и экономических трансформаций. Он, вероятно, никогда не получит полноценного разрешения, что совершенно не отвращает человечество от его изучения. В рамках нашего исследования обратимся к проблеме восприятия собственного бытия и бытия другого в период студенчества, когда человек формируется как полноценная общественная единица. Целью исследования, таким образом, назовём описание восприятия человека во всей полноте его существования в картине мира среднестатистического российского студента.

Исследование такого характера ценно не только с точки зрения антрополога, но и с точки зрения гражданина и преподавателя. Вопрос о «студенческом бытии» актуален по причине того, что студенчество, «кузница

кадров» для академического сообщества, находится на «передовой социальных изменений» и претерпевает постоянные метаморфозы в сфере образования, труда, быта и досуга, в системе ценностных ориентаций [5, с. 14]. Изменения в этой области как отражают существующий порядок, так и служат индикатором грядущих изменений. Также анализ мировоззренческих особенностей и доминирующих парадигм в студенческой среде упрощает коммуникацию между студентом и преподавателем, позволяя сформировать наиболее адекватный образ студента, проясняет цель и методы образовательной деятельности. Это также облегчает построение образовательных программ, позволяет сформировать в процессе обучения у студентов такую картину мира, которая бы учитывала человека во всей полноте.

Такое понятие, как «картина мира», ставшее популярным во многом благодаря установившемуся после XX века антропоцентризму, в данном исследовании означает общность восприятия, которая формируется из множества ощущений, знаний, мнений и определяет способ восприятия мира. Т. В. Черниговская даже указывает способность к формированию картины мира как одну из ключевых черт человека: «Человек обладает такой важной чертой, как способность к аналогии, поиску сходства, а, значит, к объединению индивидуальных черт и феноменов в классы, что даёт возможность построения гипотез об устройстве мира» [9, с. 85]. Говоря о том, как в ту или иную эпоху воспринималось бытие человека, следует иметь в виду, что новое понимание человека формирует новую картину мира, так как невозможно представлять и воспринимать мир вокруг себя, не определяя себе какой-либо роли, пусть даже роли стороннего наблюдателя. Как замечал М. Шелер, «любой человек, — так же как и любая группа, любая профессия, любая эпоха в своих вождях — имеет свою особую типическую структуру влечений, т. е. некий определенный порядок преобладания влечений, имеют свой самобытный этос, а потому и свои особые образцы» [11, с. 81].

Итак, рассмотрение вопроса о человеке во всей полноте его существования занимает философию с самого ее зарождения. В русле античной философии человек представлялся как неотъемлемая часть природы "микрокосм в макрокосме". Теоцентризм Средних веков, пришедший на смену античности, поставил человека в прямую зависимость от Божественного. В период Возрождения человек стал рассматриваться как индивидуальное существо, созидающее и себя, и мир вокруг. Картезианский переворот ознаменовал разрыв между природным и человеческим, лишение субъекта онтологического статуса, выделение познавательной работы сознания как основы человеческого существования. Течения XVII–XVIII веков обратили свое внимание на человека как природное существо. Эпоха Просвещения привнесла в человеческую животность гуманность и науку. Дальнейшее развитие вопросы о человеке получили в немецкой классической философии, где сформировалось представление о человеке как о трансцендентальном субъекте, наделенном свободой и моралью. Возникали также идеи о единстве духовного и природного в человеке (например, концепция Л. Фейербаха). Начиная с XIX века, в философии можно обнаружить некий социальный тренд в изучении сущности человека.

В некотором смысле классическая философия рассматривает человека через три "призмы": через дух, разум и природу. Деконструкция *cogito* в неклассической философии XX века, ставшая причиной "антропологического поворота", вновь призвала человечество "познать самого себя"[6, с. 19]. С XX века начинается развитие социологизаторского, экзистенциально-феноменологического и натуралистического подходов [2, с. 35].

Специфическое направление, изучающее феномен человека, сформировалось в XX веке и получило название философская антропология. Оно выросло на основании феноменологии Гуссерля и философии жизни Дильтея [1, с. 152]. В рамках решения проблемы человека в философской антропологии можно выделить две линии рассмотрения: первая, характерная

для классической философии, рассматривает человека как метафизический трансцендентальный субъект. В границах второй линии – линии Сократа – человек выражается через сознание и речь. основополагающий труд для философской антропологии выполнили М. Шелер и Х. Плеснер [4]. С уклоном в культурную антропологию изучал человеческое бытие Э. Ротхакер, на человека как на часть природной жизни смотрел А. Гелен. Частично вопросы философской антропологии затрагиваются и в традиции немецкого экзистенциализма: «Поскольку метафизика свойственна “природе человека” –

пишет Хайдеггер – и фактична с его существованием, то она всегда уже является так или иначе оформленной. Потому последовательное обоснование метафизики никогда не происходит из ничто, но наследует преимуществам и недостаткам традиции, которой ему подаются возможности подступа, подхода, обоснования» [8].

Уже в самой истории развития вопроса проглядывает отсутствие некоей единой науки о человеке: даже в рамках философской антропологии некоторые исследователи видят человека скорее природным, культурным или духовным существом. «Если спросить образованного европейца, – пишет М. Шелер в «Положении человека в космосе», – о чем он думает при слове «человек», то почти всегда в его сознании начнут сталкиваться три несовместимых между собой круга идей» [10, с. 31]. Это христианские представления о творении, античные представления о сознании и представления естествознания и генетической психологии, что в упрощении отражает три сферы человеческого бытия: духовную, культурную и природную, которые как отмечает М. Шелер, не имеют между собой никакой связи. Насколько состоятельно такое деление, до сих пор используемое в школьных и студенческих образовательных программах? В целом, насколько состоятельно отделять душу человеческую от тела? Быть может, как писал Г. Зиммель, этот «дуализм тела и души <...> можно считать уже преодоленным. Но умозрительные рассуждения, выводящие и тело, и дух из

некоего «единого» бытия, дающего им общий фундамент, также не дали сколько-нибудь убедительной картины этого «единого». Они свидетельствуют лишь о том, что двойственность стала невыносимой» [3, с. 486].

Сегодня воззрения на человека и его место в мире значительно меняются в сравнении с концепциями прошлого. На передовой зреет и активно развивается новый тип рациональности, «в связи с освоением сложных саморазвивающихся систем возникают точки роста новых ценностей и мировоззренческих ориентаций» [7, с. 1], которые открывают новые перспективы для философского диалога. Восприятие человека в рамках синергетической картины мира характеризуется попытками включения человека со всеми его ценностями в мир, описанием его как части сложного саморазвивающегося и самоорганизующегося комплекса.

Какая из описанных картин мира наиболее близка к студенческому восприятию? Задачей нашего исследования было выявить, проанализировать и описать то, каким образом «человек как бытие» воспринимается студентами от 18 до 26 лет. Анализ проводился на основании материала, собранного в процессе реализации образовательного проекта «Ядро бакалавриата» под руководством кандидата философских наук доцента кафедры онтологии, теории познания и социальной философии ТГУ Осаченко Ю. С. на четырех факультетах ТГУ, а также на результатах анонимной анкеты студентов, не участвовавших в проекте.

Студенты первых курсов четырех факультетов ТГУ в качестве домашнего задания предоставляли ментальные карты, где отражали свое представление о мире в графической форме. В общей сложности было предоставлено 170 индивидуальных ответов и 14 групповых. В ходе анкетирования было опрошено 67 студентов различных вузов, а именно ТГУ, ТУСУР и САФУ.

В качестве предварительных выводов о господствующей в студенческой среде картине мира и о специфике бытия человека в ней можно

говорить об определенном изменении самоидентификации студента. Человек крайне редко определяется как через свою животную составляющую, так и через нечто Божественное или духовное. Разум и язык как критерии выделения человека из мира встречаются достаточно редко. Часто человек ставится в центр ментальной карты как основание мира. Часто мир изображается как проекция человеческого, то есть в концепцию мира включаются такие категории, как «мечты», «судьба», «цели». Значимую часть занимают упоминания о творчестве, музыке, а также о любви и дружбе, что дает представление о несколько индивидуализированном восприятии. Ни в одной из проанализированных карт, человек не был отделен от мира полностью или не упоминался каким-либо образом.

Интерпретируя предварительные данные можно ожидать, что, вероятно, студенты склонны к восприятию мира как системы с большим количеством составляющих и сложными взаимосвязями между ними, что отсылает нас к синергетической парадигме. Человек в представлении студентов скорее неотъемлемая часть остального мира, но не главенствующая явно. Таким образом, отвечая на вопрос о бытии человека в студенческой среде можно сказать как о том, что люди воспринимают мир скорее целостно, так и о том, что характерна некоторая индивидуализация картины мира.

Список литературы

1. Григорьян Б. Т. Философия о сущности человека. – М.: Политиздат, 1973. – 319 с.
2. Дубинин Н. П. Что такое человек. – М.: Мысль, 1983. – 334 с.
3. Зиммель Г. Философия культуры – М.: Центр гуманитарных инициатив, 1996. 671 с.
4. Михайлов И.А. Шелер – М.: Мысль, 2010. — 2816 с.

5. Никонова Т.В. История студенчества в соотнесении со структурой его социального статуса. – СПб.: СПбГУ, 2000. – С. 14.
6. Петрова Г. И. Антропологическое «разрушение» трансцендентального кредо философии – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2000. С. 17-22.
7. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и философия синергетики [Электронный ресурс]. – <http://spkurdyumov.ru/what/samorazvivayushhiesya-sistemy/> (дата обращения: 15.12.2018).
8. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики [Электронный ресурс]. – <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000295/st000.shtml> (дата обращения 12.12.2018)
9. Черниговская Т. В. Зеркальный мозг, концепты и язык: цена антропогенеза. – СПб.: Наука, 2006. – С. 84-99.
10. Шелер М. Положение человека в Космосе — М.: Прогресс, 1988. — С. 31—95.
11. Шелер М. Формы знания и образование — М.: Прогресс, 1992, № 4, с. 85—96.

Май Берта Владимировна

студент 3-его курса философского факультета

Национально исследовательский

Томский государственный университет

ОПЫТ ПЕРЕЖИВАНИЯ СТРАХА В ИСКУССТВЕ

Аннотация: Данная статья посвящена специфике проявления феномена страха в одном из выдающихся жанров искусства – жанре ужасов. Изучение проблемы базируется непосредственно на особенностях современных социальных изменений.

Ключевые слова: страх, искусство, хоррор, социальная и культурная динамика.

Потребность в искусстве является неотъемлемой составляющей человеческой природы, а потому оно, неразрывно связанное с человеком, перманентно видоизменяется в соответствии с историческим контекстом, в котором индивид находится, а также – в соответствии с приходящими социальными запросами. Однако, несмотря на это, определенные образцы творчества занимают фундаментальную позицию и остаются актуальными в любом временном контексте. Поскольку феномены искусства будут рассматриваться в данной работе именно с философской точки зрения, под ними стоит понимать попытки человека преодолеть ужас временной стохастичности и стремление зафиксировать бытие, отгородившись от небытия. Актуальность рассмотрения этого аспекта вызывается, в первую очередь, следующей проблемной ситуацией. Индивид обнаруживает себя в непрерывном потоке изменений, осознать и приобщиться к этапам которого не всегда представляется возможным, а потому он, будучи неспособным

окунуться во все незнакомое и новое с головой, неосознанно ищет то, что в какой-то степени привычно и устойчиво.

Динамика и стохастичность современного мира приводит к тому, что различные стили искусства возникают и сменяют друг друга чуть ли не каждый год, в то время как в прошлом, по утверждению Элвина Тоффлера, стиль или определенная школа существовали и находились на пике популярности целое поколение [4, с. 95]. Господство одного стиля в искусстве и, как следствие – приверженность традиционным образам – создают некоторый эффект онтологического постоянства в жизни человека, поскольку в контексте устоявшейся культуры индивид не ощущает себя столь потеряннным, как это бывает во время смены культурных парадигм и ценностей. Социокультурные инновации постоянно сталкиваются с консервативным укладом привычных для субъекта норм. В результате этой динамической смены направлений в искусстве у индивида формируется некоторая онтологическая неуверенность, поскольку культурный контекст, в котором он себя обнаруживает, оказывается неустойчивым, а привычные образы, которые прежде рассматривались как приемлемые и в должной степени правильные, теперь заменяются новыми, не вписывающимися в предшествующие представления человека. Тем не менее, даже когда один стиль сменяет другой, обнаруживаются такие произведения искусства, которые являются непротиворечивыми в любой временной промежуток и остаются по-своему актуальными. Классика в каком бы то ни было виде и жанре искусства играет роль своеобразного фундаментального якоря, актуальность которого в любую эпоху не будет поставлена под сомнение. Внимание к нестабильности и динамике социальных изменений уделяет и Гуревич в своей работе «Философская антропология», задаваясь вопросом о социальных и психологических последствиях на фоне возрастающего давления науки и знания, информатизации общества и темпов перемен.

Таким образом видно, что человек теряется в потоке социальных, культурных и техногенных изменений, а классические образцы искусства

пользуются популярностью и в настоящее время. Одна из задач, поставленных в этой работе, разрешится ответом на вопрос о том, почему люди, через прочтение произведения в жанре «ужасы» стремятся осуществить опыт пере-живания описанных событий.

Начать представляется в наибольшей степени удачным с высказывания Говарда Филлипса Лавкрафта, которое в особенности точно определит постановку основного тезиса этой работы, а именно: «Страх – самое древнее и сильное из человеческих чувств, а самый древний и самый сильный страх – страх неведомого» [2]. Приведенная цитата в точности характеризует специфику страха в его философском проявлении, а именно – указывает на метафизические основания, исходящие из глубинного ничто, проблематика которого остро стояла уже во времена философских исканий древних греков.

Тезис Шеллинга о том, что «Всякий вымысел нуждается в независимом от него основании, в почве, на которой он произрастал бы; нельзя просто сочинять, выдумывать из головы. Предпосылкой даже самой свободной поэзии, которая все измышляет сама и которая исключает любую связь с истинными событиями, тем не менее служат реальные и повседневные события человеческой жизни. Любое отдельное событие должно быть подобно событию либо засвидетельствованному, либо принимаемому за правду» послужит для конкретизации поставленного тезиса и ограничения проблемного поля в работе [5]. Более того, апеллируя к этому положению, высказанному Шеллингом, следует заметить, что феномен страха, проявления которого описаны в литературных текстах, приобретает наличествующее бытие, а, значит, произведения жанра хоррор имеют под собой некие существенные основания. Здесь стоит понимать, что предикатом реальности наделяются не чудовищные образы и создания, которые в контекстуальных отношениях являются источниками ужаса. По крайней мере, реальными можно и нужно называть именно метафизические основания, из которых исходит страх, и, испытывая влияние которых, автор литературного произведения прибегает к попытке репрезентировать феномен

ужаса в своих текстах, словесно облакая эти метафизические корни в определенный образ.

Непосредственная связь страха и небытия обнаруживается, в первую очередь, в отсутствии предметности. Стоит заметить, что чудовища и монстры, обладающие искаженными формами, в современном искусстве в большинстве своем уже давно не пугают. Страшит же человека всегда неизвестность, неясность, размытость и некоторая неконтролируемая ничем и никем хаотичность. Страх возникает тогда, когда совершается нечто абсолютно неожиданное, то, что не имеет под собой никаких оснований для свершения. Выскакивающие из темноты образы, резкие беспричинные звуки, неясные силуэты в темноте – вот то, что страшит. Нереалистичные монстры, являющиеся плодом воображения и компьютерной графики, уже давно не имеют такой осязаемый эффект. Гораздо страшнее является то, что можно встретить в реальной жизни, то, что может произойти с каждым и то, что каждый может пережить в своем собственном опыте. Личный опыт ужасного оказывает на аудиторию гораздо большее влияние, а для того, чтобы добиться этого, необходима максимальная доля реалистичности. Говоря о реалистичности здесь, важно понимать, что речь идет далеко не о примитивности или же вещах и событиях, которые могут происходить каждый день. Как было сказано выше, неясность образов, под впечатлением от которых находился человек после взаимодействия с объектом искусства – будь то книга, кинофильм или же видеоигра, могут для индивида воплотиться в реальность, при содействии репродуктивного воображения и соответствующих условий – темноты и прочего.

Человек, погружаясь в произведение описываемого жанра, совершает онтологический переход, благодаря переживанию описанных событий и ужасающих образов. Переход в онтологическом смысле, путем переживания страха, позволяет человеку выйти за границы его привычного бытия. Используя терминологию Мартина Хайдеггера, – это выход из сферы сущего в горизонт ничто. Испытывая страх, концентрируясь на нем в этом

онтологическом промежутке переживания, человек приобретает собственную идентичность, путем выхода из числа той массы, которая предпочитает оставаться в горизонтах привычного существования. В этой потусторонней среде, где индивиду ничего не знакомо, он остается наедине с самим собой, испытывая на себе влияние тех неясных, смутных образов, которые своей неопределенностью страшат. Путем переживания субъект словно бы подтверждает свое собственное бытие, делает его существенным для самого себя, поскольку он, выйдя из сферы всего повседневного, противопоставляет себя ему и концентрируется непосредственно на себе самом, тем самым утверждая и подтверждая для самого себя собственное существование, подобно cogito Декарта. В. Лехциер в своей работе «Я не трус, но я боюсь» иронизирует над стремлением индивида выйти из горизонта привычного: «...нам нужно, чтобы нас пугали. Сделай мне страшно, а то мне что-то не хватает переживаний» [3].

Таким образом, потакая стремлению человека выйти из мира привычных ощущений, возникает индустрия страха, позволяя выходить за границы шаблонных представлений, окружающих в повседневности, снова и снова. Однако, вследствие однообразности и привычности пугающих образов, должный эффект стирается, а потому культурной сфере приходится все больше изощряться в средствах, доставляющих искусственную возможность переживания страха. Это переживание позволяет индивиду сфокусироваться на своем собственном бытии, путем отгораживания себя от динамичных феноменов окружающего мира.

Литература:

1. Гуревич П. С. Философская антропология. М.: Омега-Л, 2010. 609 с.
2. Лавкрафт Г. Ф. Сверхъестественный ужас в литературе [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lib.ru/> (дата обращения 10.11.2018)

3. Лехциер В. Л. Я не трус, но я боюсь. Онтология страха как жизни в модусе «пере» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.phil63.ru/> (дата обращения 11.11.2018)
4. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: Издательство АСТ, 2002. 557 с.
5. Шеллинг Ф. Историко-критическое введение в философию мифологии [Электронный ресурс] // URL: <http://www.royallib.com/> (дата обращения 10.11.2018)

ПРОЛЕГОМЭНЫ ЭРОСА

Аннотация Данная статья посвящена исследованию феномена эроса. Проводится мысль, что эрос имеет три основания: секс, эротика и любовь. Первичным явлением эроса автор считает секс, основным – сексуальность и эротизм (эротика), вершина эроса – любовь.

Ключевые слова: эрос, любовь, секс, эротика, философия, искусство, культура.

Благая жизнь – это жизнь, вдохновляемая
любовью и направляемая знанием.
И знание, и любовь бесконечны...

Бертран Рассел

Статья посвящена, современному и одновременно древнейшему аспекту человеческого бытия – эросу. Проблема эроса, которая возникла в России на рубеже XIX и XX вв., по-прежнему остается в центре духовной культуры современности, как и сто лет тому назад. Эрос был и остается самым глубинным и самым проблемным моментом бытия человека. В мировой культуре существует большое количество подходов, понимания природы эроса и его функционирования. Видение эроса, представленное в статье, складывается в некую систему под влиянием идей, взглядов различных философов на это явление. Это прежде всего некоторые концепты Платона, Ф. Ницше, З. Фрейда, Н. Бердяева, Э. Фрома, эзотерика Ошо и многих других...

Понятие эрос пришло к нам из древней Греции. Эрос (греч. *eros* – любовь) – мифологическое олицетворение любви и сексуальности; персонифицированное обозначение сексуального инстинкта [1 с. 466]. Самый большой авторитет в данной теме — это, конечно, Платон, который дал в своём труде «Пир» разнообразные версии сущности и природы данного явления [2]. Он считал, что сущность эроса: имманентна самому бытию, амбивалентна по своей природе, ценность эроса холархическая. Вторым по значению в понимании эроса можно считать З. Фрейда, который понимал эрос, как персонифицированное обозначение сексуального инстинкта (влечения), как инстинкта жизни. По Фрейду, энергетическим потенциалом эроса является либидо – энергия всех сексуальных влечений. Часто Фрейд под эросом понимал, любовь в самом широком смысле этого слова. [1]

Эрос, в метафорическом значении – это цветущее растение. Корни его уходят в почву, что являет собой половую близость или секс. Ствол и крона растения – это сексуальность и эротика, которая не всегда понимается, как секс. Вершина растения: цветение, аромат, красота всей его палитры красок, а также тактильность его фактуры – всё это любовь. Как видим, можно выделить три основных момента: эрос вбирает в себя: секс, эотику и любовь.

Начнём, с самого простого и, казалось бы, очевидного явления, такого, как секс. Но так ли он прост и очевиден? Что такое секс? Для человека – это основание его бытия, потому что он появляется в результате этого процесса, он как бы «кусочек секса», ибо вырастает из половой стволовой клетки. Некоторые философы относят секс только к биологическому основанию человека, связывают с размножением, природным и животным началом. Другие, видят в нём уже метафизические основания, секс становится трансцендентным и трансцендентальным, через секс, человек может опуститься до животного или подняться до сверхчеловеческого (Ницше) или даже до божественного (Юлиус Эвола). Конечно, секс присущ только человеку, ведь у животных присутствует половая близость (копуляция), а у

человека в этом процессе инстинкт размножения сопряжен с духовными переживаниями, разнообразными сексуальными девиациями и фантазиями.

Следующая ступень в эросе – это эротика, эротизм. Особая сфера, включающая в себя многообразные и разнообразные проявления человеческой сексуальности, как в индивиде, так и в общественном сознании. Как было сказано выше (в метафоре о растении), в эротике входит не только секс и сексуальность, но также и элементы «цветения» любовной культуры. Поэтому эротика амбивалентна: она направлена как к сексуальности человека, так и к любви (душевно – духовному уровню). Тем значим и привлекателен эрос, что в нём самым парадоксальным образом сплетены «корни и крылья» всей сексуальной и любовно-эротической культуры человека. В человеческой культуре эротика очень разнопланова: в культуре повседневности – это, прежде всего обычаи, традиции и предметы быта; в художественной культуре – это поэтические, прозаические, музыкальные, театральные и другие направления в искусстве. Можно утверждать, что основную и большую часть природы эроса будет составлять сексуальность и эротизм человека, а не его секс и его любовь, поскольку секс по своей природе ограничен, он всегда конечен; а любовь – трансцендентна, она редка и труднодоступна.

Следующий уровень в эросе – это любовь. Это самое красивое, удивительное и самое высокое пространство. Любовь – это очень редкое явление, которое не так часто встречается. Человек часто оказываемся в лингвистической ловушке, называя любовью то, что ею не является, например, люди часто путают влюблённость, свои эротические или сексуальные привязанности с любовью. Ситуация сейчас уже такова, что в мире любви существует очень много эрзац-подделок. В этом отношении интересны концепты двух исследователей этого феномена: Эриха Фромма и Ошо. Их идеи во многом переплетаются, суть их видения феномена любви, заключаются в том, что любовь – это, прежде всего зрелость межличностных отношений, Фромм сводил их к заботе, ответственности и знанию, а Ошо – к

не эгоистичности, трансформации и к бытию «здесь и сейчас». Общим у них аспектом любви является способность «делиться» и «дарить». Эти моменты являются фундаментальными аспектами любви. Многие сентенции великих философов часто подтверждают эти концепты. Всё же более животрепещущим остается вопрос о подлинности любви.

Подводя итог, следует прийти к мнению, что эрос по-прежнему остаётся самым глубинным и подлинным экзистенциалом человека. И возвращаясь к метафоре эроса как растения, важно помнить о контексте: почва, климат, уход... Только всё это приведёт к цветению. Всё же следует не забывать о том, что всему своё время: молодость – это чаще всего время секса и эротики, в лучшем случае случается влюблённость. В зрелые годы, было бы странным потратить свои интенции только на это и упустить возможность прихода любви, ибо только она является лакмусовой бумагой подлинного человека, но каждый человек сам вправе выбрать модус эроса: секс, эротика или любовь.

Литература

1. Философский словарь. С. Я. Подопригора, А. С. Подопригора. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. – С. 479.
2. Платон. Диалоги. – СПб: Азбука классика, 2018. – С. 448.
3. Розин В. М. Любовь и сексуальность. – М: Логос, 1999. – С. 207.
4. Философия любви. Ч. 2. Антология любви / Сост. А. А. Ивин – М: Политиздат, 1990. – С. 605.
5. Ошо. О любви. – М: София, 2013. – С. 288.
6. Ошо. Секс – дорога к любви и духовности. – СПб: Весь, 2012. – С. 416.
7. Бейнс Джон. Наука о любви. – М: Политехника, 1994. – С. 380,

Огреба Анастасия Владиславовна
студентка 4-го курса философского факультета
Национального исследовательского
Томского государственного университета

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ЭРОТИЗМ В ФИЛОСОФИИ ЖОРЖА БАТАЯ

Аннотация. В статье рассматривается понятие эротизма в контексте антропологических работ Жоржа Батая. Автор приходит к выводу, что понимание человека в рамках творчества данного философа построено на снятии бинарных оппозиций, рассмотрении человека в тотальности его бытия. Анализ работ Батая приводит к переосмыслению сущности человека в контексте эротизма, выявлению важных характеристик сугубо человеческого бытия.

Ключевые слова: эротизм, запрет, негативность, трансгрессия, смерть.

Жорж Батай (1897-1962) – одна из ключевых фигур во французской философии XX века. На первых этапах творчества его идеи воспринимались как маргинальные, но, уже начиная с 60-х годов, были релевантно оценены философами постмодерна и положили начало новому стилю философствования.

Вопрос тела, поднимаемый в творчестве Батая, это одна из основных тем философии XX века. Связан подобный интерес с отходом от классической западноевропейской установки, где сущность человека усматривалась в разуме, а сам человек редуцировался до человека метафизического. По сути, у телесности долгое время не было собственного языка в философии. Батай дал слово не только телу, но и другим человеческим проявлениям, которые

раньше философия обходила стороной. «Человек, по Батаю, – существо эротическое и религиозное в гораздо большей мере, чем, например, мыслящее» [2].

Мировоззрение Батая в большой мере складывалось под влиянием его единомышленников, создавших сообщество «Ацефал», что в переводе с греческого означает «обезглавленный». Они выпускали журнал с одноименным названием, который сопровождали различные иллюстрации. В различных вариациях (а всего было 4 выпуска журнала) там присутствовала фигура человека без головы, которую он или держал в руке, или же она помещалась на место гениталий. Конечно, существует множество способов трактовать этот опыт – безголовый бог, смерть бога, отказ от авторитета. Но в рамках нашего разговора мы можем найти еще один смысл – отказ от рациональности, от верховенства мышления.

Однако, не стоит думать, что бунт против спекулятивного мышления характеризует Батая как антиинтеллектуала. Мысль просто не может быть тем беспристрастным познающим взглядом, каким ее хотят видеть философы классики. Большую роль в познании человека и мира играет опыт (эротический, религиозный, эстетический, мистический). Признание того, что мысль не всесильна позволяет двинуться дальше, к так называемому предельному опыту, где мысль сталкивается с не снимаемым противоречием. Предельный опыт проходит на границе возможностей языка: далеко отстоящие по смыслу друг от друга категории могут сближаться, их смысл доводится до предела, где они уже приобретают совершенно противоположное изначальное значение.

Если мы хотим говорить о противоречивом, то таким с неизбежностью станет наш язык – содержащий понятия, не снимающие своего противоречия в синтезе, а лишь наращивающие. Таким является и все творчество Батая – не имеющее четко выдержанной линии, даже с трудом приписываемое какому-либо жанру (от философии до порнографических романов). Четкости нет и в определении понятий. Из-за этого в работах философа чувствуется

постоянная трансформация, которая вечно ускользает от читателя, не позволяя проследить, где же именно термин вдруг стал другим. Одно и то же понятие Батай помещает в разные контексты, что затрудняет четкое понимание, к которому мы привыкли, но это является необходимым условием разговора о невозможном. Все это нужно учитывать при знакомстве с Батаем.

Почему же важен эротизм? В своих работах Батай уделял большое значение этой теме, связывая с ней вопрос о происхождении человека. Эротизм (не путать с эротикой) – не обычная сексуальность, то есть не репродуктивная активность. Последняя в равной мере относится как к животному, так и к человеку. Сексуальность же людей отличают специфические способы сублимации. Эротизм заключается в сложном символическом опосредовании между желанием и его объектами. Между человеком и его желаниями почти всегда стоят культурные запреты, что порождает целый комплекс определенных социальных, религиозных, эстетических, экономических и психологических феноменов и практик.

Человек Батая – это тот, кто настойчиво отрицает факт своего естественного происхождения, вводя в жизнь сложную систему запретов. Отрицание наличного бытия, то есть негативность, сделала из животного человека. Понятие негативности Батай наследует, конечно, от Гегеля.

Когда человек говорит «нет» животному в себе, он отрицает свою смертность и свои естественные потребности, старается стать дальше от «грязного» и «варварского». Все дело в том, что именно в природности человек видит свою будущую смерть, то есть то, что вызывает самый глубокий ужас. Запрет на естественное выражает отказ от различного рода необходимостей, которыми изобилует природа, а также от случайностей и бренности. Тем самым человек создает новый мир – мир человеческого, наполненный орудиями и изготовленными предметами, мир подчиненный пользе – профанный мир, лишенный природного в целом, а значит и смерти, в частности.

Природа проявляет себя в постоянном потреблении, в природе все находится в избытке и не испытывает нужды. Профанный же мир связан с производством и накоплением, трата оказывается под запретом. А эротизм – это одно из проявлений растраты, поэтому он оказывается в противоречии с человеческим принципом экономии, который, кстати, наиболее полно выразился в капиталистическом укладе жизни. Таким образом, одно из естественных проявлений человеческой жизни оказывается под запретом. Но если что-то находится под запретом, то оно не обязательно исчезает. В основе человека остаются живы внеэкономические убеждения (сохранение противоречий – основа философствования Батая).

Система запретов крайне разнообразна. Как одно из проявлений этой сложной системы Батай подробно рассматривает запрет на инцест, опираясь на исследования Леви-Стросса и Мосса в своей книге «История эротизма». Отказ от наслаждения своим ближайшим родственником, то есть отказ от непосредственного животного наслаждения, трансформируется в дар. Но дар схож с половым актом в том, что он так же является непроизводительной тратой, расходом ресурсов (если трактовать женщину как ресурс). Их отличие кроется в несхожести удовольствий, которые получает человек. Отказ от близкого родственника, то есть того, кто принадлежит тебе, это преодоление животного удовольствия взамен удовольствию другого характера. «Он... обратным движением подчеркивает соблазнительную ценность своего объекта.» [1]

Запрет приводит к эротизму – символической связи между запретом и желанием. Вообще, как только Батай говорит об отвращении перед природным, он тут же пишет об обратном движении. Самый понятный пример, который приводит сам Батай, связан с запретом на половую активность. Этот естественный процесс, обросший огромным количеством табу и запретов, вызывает желание, но, чтобы удовлетворить это желание нужно пройти определенные этапы разнообразных практик. Брак, как ни странно, является одной из таких практик. Батай подчеркивает, что

изначальное значение брака состояло не в экономической выгоде, хотя определенный момент пользы там всегда присутствовал. Но в мире, где половая активность подвергается множествам табу, брак позволял запрет преодолеть.

Отвергнутое влечет к себе, но простое преодоление запрета невозможно, было бы утопизмом считать, что, отказавшись однажды от животности, человечество могло бы к ней вернуться. Природа, вызывающая отвращение, это не та же природа, которую человек желает вновь. Первая природа – данность, но когда она «приручена» системой запретов, то уже не воспринимается таковой. Данностью становятся уже сами запреты. «... человеческий мир, образовавшийся в отрицании животности, или природы, который отрицает сам себя, и в этом втором отрицании превозмогает себя, причем не возвращаясь к отрицаемому прежде.» [3] Здесь заключена двойственность эротизма – отрицание и возвращение. Возврат к природному не может стать желанным, пока в этом возврате не будет присутствовать акт непокорности, или как это называет Батай – трансгрессия (преодоление). Человек сам ставит пределы своей активности и их же нарушает – вот смысл его существования.

Стремление к запретной животности наделяется новыми смыслами, природа уже помещается в область сакрального. И эта сакральная животность обладает схожими чертами с профанной жизнью – природу как таковую она отрицает. Но в ней сочетаются парадоксальным образом желание и ужас. Батай неоднократно подчеркивает, что священное ужасно по своей сути ровно так же, как оно и желанно.

Батай приходит к тому, что эротизм – это то, что характеризует человека и только лишь человека. Запрет и желание его преодоления. Отвращение к какому-либо объекту и обратное движение. В предельных понятиях – жизнь и смерть. Эрос и Танатос. Может показаться, что эта связь ничем не обоснована. Но Батай видит ее в том, что противоположности нужны для существования друг друга. Без смерти не было бы жизни, как и наоборот.

Растрата ресурсов ведет к смерти субъекта, но именно эта растрата является проявлением его жизни. Человек поставил границы своему существованию, но не может быть собой без отрицаемой им части. Вот почему он страстно желает отвергнутое. А это желание и есть эротизм.

Литература

1. Батай Жорж. История Эротизма. – М.: Логос. – 2007. – 200с.
2. Тимофеева Оксана. Введение в эротическую философию Жоржа Батая. – М.: Новое литературное обозрение. – 2009. – 200с.
3. Батай Жорж. Проклятая часть. – М.: Ладомир. – 2006. – 742с.
4. Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил. – 1994. – 346с.

Онищенко Екатерина Дмитриевна
Студентка 2-го курса Философского факультета
Национального исследовательского
Томского государственного университета

АДАПТАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье раскрываются понятия образования адаптации в образовательном процессе. Приводятся противоречия, существующие в контексте российского образования. Также приводится пример адаптиогенеза в контексте трех подходов: прагматизм, бихевиоризм, экзистенциализм.

Ключевые слова. Образование, адаптация, философия образования, бихевиоризм, экзистенциализм, прагматизм.

Главной особенностью современного общества является движение информации, объем которой, скорость обновления и масштабы влияния на сознание стремительно растут. Модернизация общества, его современное информационное состояние влекут за собой новые требования к системе образования. Качество образования, в современном мире, напрямую связано с его переходом на онлайн-платформы, дистанционное обучение и активное использование Интернет-ресурсов. В данной ситуации необходимо определить новые модели и форматы обучения, направленные на формирование тех способностей учащегося, которые помогут ему лучше адаптироваться к изменениям, исходя из его человеческой природы и способов существования в обществе.

Официально, образование понимается как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и

компетенции. Данное определение можно найти во второй статье, первой главы Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [6]. В философии, процесс образования понимается немного иначе. Образование – это формирование облика человека, который складывается под влиянием моральных и духовных ценностей, составляющих достояние его культурного круга. Однако, мы можем сказать, что образование – это не только объединение навыков и совокупность знаний, а прежде всего, сама жизнь индивида с её особенностями, законами, принципами и нормами поведения. Другими словами, образование – это одна из важнейших сфер и одно из наиболее значительных средств самореализации личности. При рассмотрении строения современной системы образования можно заметить некоторые противоречия, которые влияют как на процесс получения, усвоения новых знаний, так и на процесс адаптации к системе.

Одной из основных задач образования является рассмотрение личности с разных сторон, её развитие и социализация, которая нужна для более удачной самореализации и адаптации к среде. Однако, современная тенденция показывает, что система занимается тем, что готовит к какому-либо дальнейшему этапу образования, в какой-то определенной области и исходит лишь от потребностей следующей ступени. Возьмём в пример дошкольное образование. Функция дошкольного образования заложена уже в самом слове: «То образование, которое даётся до школы.» Сама по себе ступень, является как бы вспомогательной или второстепенной. Основной целью становится интенсивная подготовка ребенка к школе. Массовая и тотальная подготовка детей к школе вытеснила особенные формы деятельности ребенка в данный период. Но ведь эта ступень образования должна стать базисом образовательной системы, которая будет направлена на развитие индивидуальных особенностей каждого ребенка.

Еще одним парадоксом является то, что учитель является центральной фигурой в современной школе. Данное понятие зафиксировалось еще со времен авторитарной модели образования. Парадокс в том, что образование в

этом случае не понимается в его истинном смысле – в ориентации на того, кто его получает или потребляет. Развитие образования сегодня должно предполагать другой подход: центральной фигурой, ядром всего процесса, должен быть слушатель. Причем, понятие слушателя должно восприниматься, не как обозначение чего-то массового, как, например, класса, а как указание на индивидуальную личность, на отдельного человека. Процесс образования должен стать процессом удовлетворения интересов и ответом на разные интересующие вопросы. Таким образом, задача современной школы – не навязывание программ и учебных планов, а создание новой системы, которая бы удовлетворяла потребности современного учащегося.

Говоря о современности, мы можем сказать, что в данный момент образование находится в состоянии адаптационного кризиса. Такой вывод вытекает из того, что до сих пор за обладание знаниями ставят высокие баллы и присваивают медали лучшим выпускников. Об умении применить эти полученные знания начали говорить только в конце XX века, когда четко можно было заметить различие между знать и уметь. Позже выяснилось, что просто знать и уметь тоже недостаточно, если речь не идет об обучении по образцу и воспроизведение действий другого индивида.

«Жизнь востребует творческий опыт, которым можно овладеть только в условиях креативного образования. Именно этим объясняется застой в системе, явное отставание образования от жизни, которая динамичнее, чем педагогика и образование» [1] Данная статья может считаться актуальной в реалиях современного образования, так как на данный момент нет более новых исследований в этой области, а, следовательно, сложно сказать, что образование претерпело радикальные положительные изменения и вышло из состояния застоя.

Сам термин адаптация, изначально, был использован в биологической сфере, для обозначения процесса приспособления строения и функций популяций или видов к определенным условиям окружающего мира, которые

формируются на протяжении всего процесса развития живого организма. В наше время, понятие адаптации вышло за границы биологии и его стали употреблять в технических, естественных и гуманитарных науках. Так или иначе, мы можем сказать, что адаптация – это специфическая форма отражения разными системами взаимоотношения внешней и внутренней среды, заключающаяся в установлении между ними динамического равновесия. Благодаря равновесию можно получить гармоничное соотношение и развитие системы [5].

К сожалению, данное определение понятия адаптации не отражает в полной мере значение, необходимое для полного понимания данного процесса. Поэтому необходимо рассмотреть различные примеры адаптациогенеза и подходы к пониманию того, что есть адаптация. Говоря о человеческой природе и способах существования человека, можно заметить, что в истории философии было три направления, опирающихся на антропологический подход к пониманию вопроса адаптации, а именно: бихевиоризм, прагматизм, экзистенциализм.

С точки зрения экзистенциализма, человек создаёт себя сам. Он не был сотворен изначально он творит себя и бытие, выбирая при этом мораль, как критериальное основание собственного бытия. Сартр считал, что человек – это существо, у которого существование предшествует сущности, что он есть существо свободное, которое может при различных обстоятельствах желать лишь своей свободы [2]. Человеческое бытие существует в экономической, социальной и других сферах общества, реальность которых напрямую зависит от самого человека. То, чем станет человек, обусловлено только теми людьми и обстоятельствами, с которыми он встретился. Существование какого-либо высшего существа или законодателя, в данной концепции, исключается полностью, существует лишь сам человек, который позже будет сам решать свою судьбу.

В опровержение данной точки зрения стоит обратиться к школе бихевиористов, которые считают, что та первопричина, которая управляет

человеческим поведением и существованием в целом, находится в окружающем мире. Однако, можно сказать о том, что существуют три разных способа воздействия той самой окружающей среды на человека [3]. Во-первых, – это воздействие внешней среды в процессе эволюции. Во-вторых, – это воздействие извне, которое сохраняет и образует новый репертуар поведения, формируя биологическую особь в человеческую личность. В-третьих, - это воздействие природы, вызывающей те или иные реакции, формирующие поведение, ведь поведение попадает под влияние различных стимулов в различных условиях [4]. В современных реалиях внешний мир не только подталкивает человека к действиям, но селектирует его. Роль окружающей среды схожа с той, которая была продемонстрирована при естественном отборе, даже в совершенно других временных масштабах.

Направление, принимающее срединное положение в контексте данной идеи – это прагматизм. Исходя из данной концепции, люди начинают свою жизнь, наделенные только импульсами, как двигательным источником деятельности индивида. Импульсы включают в себя аппетит, инстинкт и рефлексы. Происходит примитивное движение к каким-либо вещам. От довольно простых, таких как, например, рефлекс рук хватать что-либо, до более сложной – смахивание надоедливой мухи. Импульсная активность не является целенаправленной и подчеркивает пластичность источников поведения. Дьюи говорит о том, что инстинкты не подталкивают пассивное существо (человека) к действиям, а активно пользуются им в различных обстоятельствах для различных целей. Как и в случае со стимулом, любой инстинкт зависит от контекстуальных факторов, которые могут включать в себя как биологические, так и социолингвистические реакции. Рассматривая работы сторонников данных концепций, а также иные примеры адаптационного процесса, мы делаем вывод о том, что необходимо провести собственный анализ данного процесса и вывести собственное понятие адаптации.

В данной статье автор продемонстрировал три основных подхода в

понимании процесса адаптации такие как: экзистенциализм, бихевиоризм и прагматизм. Данные антропологические подходы достаточно противоречивы по отношению друг к другу. Это доказывает лишь то, что концепции являются не совсем полными и для целостного понимания того, что же такое адаптационный процесс, нужно попытаться объединить данные подходы в единое целое. Исходя из этого, автор статьи, даёт собственное понятие адаптации в образовательном процессе - это односторонние изменения, характерные только для определенного человека в особенных условиях, при изменении процесса обучения, материалов, заданий или продуктов образования таким образом, чтобы помочь ученику достичь ожидаемых результатов обучения.

Литература

1. Дудина М.Н. Новая образовательная парадигма: проблемы качества образования // Современные проблемы науки и образования. – 2006. – № 5
2. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. Стр. 341. // Сборник «Сумерки Богов». /Сост. И общ. Ред. А. А. Яковлева: Перевод. – М.: Политиздат, 1990. – 398 с.
3. Скиннер Б. Ф. Почему я не когнитивный психолог// «Skinner for the classroom», Research Press, Champaign, Illinois, 1982
4. Скиннер Б.Ф. По ту сторону свободы и достоинства. / пер. с англ. А. Федоров, М.: Изд-во «Оперант», 2015 – 192с.
5. В. С. Стёпин. Б. Г. Юдин. В. П. Филатов. А. Н. Симонов. Ф. И. Голдберг. Наука. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2018 (последняя редакция: 25.08.2018). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6860> (дата обращения 17.11.2018)
6. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» - стр.3.

Плюснин Лев Витальевич

магистрант 1 курса философского факультета

Национального исследовательского

Томского государственного университета

ЧЕЛОВЕК В ПРЕДВИДЕНИИ БУДУЩЕГО, ПРИНИМАЮЩИЙ РЕШЕНИЕ В НАСТОЯЩЕМ

Аннотация. В статье обсуждается проблема знания о будущем и то, каким образом человек принимает решения в настоящем. Предлагается тезис о том, что ценности будь то коллективные или индивидуальные, определяют наше представление о будущем, а представления о будущем определяют наши действия в настоящем. Автор статьи опирается на творчество Нийинилуото Илкка, Московского методологического кружка (ММК) и Райла Гилберта.

Ключевые слова: Философская антропология, принятие решений, знания о будущем, ценности, схема шага развития.

Попытки заглянуть в будущее были неотъемлемой частью человеческой культуры на протяжении практически всей известной человеческой истории. Первоначально прозрение будущего было сосредоточено в разного рода мистических практиках, от практик гадания в даосизме до практик предсказаний оракулов в средиземноморской мифологии. Рациональное использование, то есть не мистическое, практики прогнозирования, судя по всему, впервые появилось в древнем Египте и Месопотамии, и было связано с циклом разлива рек. Сегодня мы имеем научную дисциплину, которую раньше называли футурологией, но сегодня чаще используется термин Future studies.

Почему сегодня исследования будущего для нас важны как для философов и антропологов? Представляется, что знания о будущем принципиально влияют на то, что мы называем настоящим, и в этом смысле расширение горизонтов понимания будущего способствует процессу принятия решения здесь и сейчас.

Первое ключевое затруднение, с которым обычно встречается исследователь будущего, заключается в вопросе: а как вообще может существовать знание о будущем? Как можно знать о том, чего нет? И в этом смысле возражение вполне уместно, как утверждает Нийнилуото Илкка, как классическое дескриптивное знание конечно нет, вернее оно крайне ограничено некоторым набором вневременных истин ($2+2=4$ или прим. Нийнилуото: *in the year 2050 the city of Helsinki will be having its 500th anniversary*) [1, С. 372]. Другой вопрос, а в каком виде может существовать знание о будущем, и в этом смысле Нийнилуото отвечает – как дерево возможных исходов, сформированное посредством случайных событий и решениями людей. Если исследование случайных событий и «событий» в принципе возможно посредством количественных методов, то исследование поступков людей возможно только посредством качественных методов социологии [1, С. 374], а также направлений философии, таких как герменевтика, критическая теория и т.д.

Чтобы понять насколько это важно, следует обратиться к самому процессу принятия решений. Фактически мы имеем две основные составляющие этого процесса. Во-первых – это наши знания о прошлом, во-вторых, это наше знание о будущем.

Знание о прошлом можно разделить на две группы, с одной стороны это не артикулированные знания, к ним относятся инстинкты, аффекты, технические навыки (ремесленные), персональный экзистенциальный опыт, в целом – все, что имеет не интерсубъективный характер, то есть невыразимое в пропозициях. Вторая группа – это артикулированные знания и опыт, необязательно персональный, изложенный в пропозициях, и потенциально

передаваемый другим людям. Это собственно то, что мы называем знанием об окружающем нас мире, законах природы и мышления. Как утверждает Г. Райл это знание всегда постфактично, оно всегда существует для нас в прошлом, даже артикуляция собственного опыта происходит на момент времени позже, чем этот самый опыт мы ощутили органами чувств. В этом смысле любые знания, прошедшие через процесс артикуляции, мы имеем постфактум [2, С. 167-174].

Со знанием о будущем все несколько сложнее. Оно точно также делится на две группы, и если первая группа неинтересна антропологии совсем, то вторая группа это область ее прямого научного интереса. В первой группе мы можем найти как раз те самые случайные события реальности, которые не зависят от нас и происходят посредством некоторых законов. По сути это область естественных и прикладных наук, таких как физика или экономика. Вторая группа это область нашего целеполагания. Согласно базовому антропологическому постулату, человек отличается от животного тем, что может самостоятельно ставить цели и самостоятельно их достигать. В этом содержится главный антропологический смысл исследования будущего, а именно каким образом мы представляем себе будущее и как это влияет на наши решения в настоящем.

Если присмотреться к самому процессу постановки цели, то неизбежно обнаружим образ результата, т. е. предполагаемого состояния реальности после того, как сделаем некоторую последовательность действий. В этом смысле наши действия всегда коррелируют с образом того, что должно быть, иначе говоря, – с ценностями в широком смысле этого слова. Таким образом, ключевым элементами принятия решения становятся наши знания и ценности, то есть понятие о том, что есть, и о том, как должно быть. На стыке реального и идеального образуется поле для выбора путей достижения. В этом поле существует ответ на вопрос «как нам этого достичь?» или область принятия решения. Примерно в этом ключе рассуждают участники Московского методологического кружка, Г.П. Щедровицкий, в частности,

когда вводит схему шага развития [3, С. 229-230]. Ценности в сочетании со знанием образую образ «видения будущего», который в свою очередь руководит нашими текущими действиями и влияет на выбор инструментов достижения целей.

Следовательно, для наиболее полного описания актуального человеческого поведения в рамках обозримого временного горизонта и что, наверное, более важно, для понимания человеческой мыслительной деятельности, необходимо учитывать представления о будущем и в связи с этим о ценностях индивида, поскольку именно этот образ, в конечном счете, определяет наше существование. В этом смысле особую значимость для антропологии принимают практики, направленные на коллективное обсуждение и согласование образа будущего, такие как форсайт, и разного рода дискуссионные площадки общественные или политические. В свою очередь, это позволит открыть новые перспективы для понимания того, каким образом человек принимает решения сейчас, и посредством этого начать понимать, что может произойти в будущем.

Литература

1. Niiniluoto Ilkka. Futures studies: science or art? // Futures № 33, – 2001. – P. 371–377.
2. Райл Гилберт. Понятие сознания // Перевод с англ. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. – 1999. — С. 408.
3. Щедровицкий Георгий. Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы (курс лекций) // Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 5. ОРУ (2). М. – 2003. – С. 288.

Сигарева Валерия Константиновна

студент 2-го курса философского факультета

Национального исследовательского

Томского государственного университета

**СТУДЕНТ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ:
ПРОБЛЕМАТИЗАЦИ И ПОСТОЯННОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СЕБЯ
КАК ОСНОВНЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Аннотация. Рассматривается необходимость образовательной практики «заботы о себе», как способа конструирования «множественной субъективности». Утверждается необходимость постоянного и непрерывного образования как практики проблематизации и «заботы о себе». Студенческая среда и формирование студенческой субъективности предлагается в качестве практики реализации теоретических установок.

Ключевые слова: «забота о себе», проблематизация, множественная субъективность, философия, самопознание.

В современном мире традиция уступило место инновации. Традиция своим главным назначением имела сохранение классических образцов культуры и социальности. Традиционный мир был устойчивым, развивающимся в рационально предсказуемых направлениях. Но сейчас в эпоху инноваций современность приобрела подвижность, «текучесть» (З. Бауман), непрогнозируемость изменений. И человеку стало необходимо адаптироваться к постоянно новым социальным конфигурациям. Вследствие

этого, он оказался вынужден отказаться от устойчивого сущностного содержания. Образование, в том числе и университетское, предназначенное ранее для обеспечения человека должной суммой знаний, умений и навыков (их ему хватало на всю жизнь в реализации своих профессиональных ролей и в восхождении к высоким нормам бытия – к классическим нормам), теперь обязано быть непрерывным и в то же время изменяющимся. Если раньше образование ставило себе конечную цель – формирование определенного рода субъекта, научение конкретной сумме знаний и конкретному навыку, необходимому для выполнения своих профессиональных обязанностей, то сейчас образование имеет задачу научить студента проблематизировать себя, показать неустойчивость современного субъекта и научить использовать практику «заботы о себе», как способ конструирования множественной субъективности [1.С.38]. В современном мире классические идеалы университетского образования постепенно уступают место новым неклассическим идеалам, призванным воспитывать в человеке образовательную субъективность, то есть осознанный процесс строительства себя, совокупность практик работы с собой.

Практика «заботы о себе» зародилась еще в Античной Греции. Но тогда основной ее формой было «самопознание». Мишель Фуко в «Герменевтике субъекта», анализируя античные тексты, противопоставляет и в то же время связывает друг с другом эти два понятия: «самопознание» и «заботу о себе». Центральное отличие между ними состоит в том, что самопознание предполагает обретение знания о некоторой «Я»-сущности, т. е. о том, что есть индивид на самом деле. Забота о себе, наоборот, руководствуется принципом приобретения некоторой формы, которой до сих пор не обладал индивид, – формы субъекта. Применяя практику «заботы о себе» в образовательной среде человек сможет научиться конструировать различные формы себя как субъекта.

В современном мире можно сказать, что «забота о себе» – это забота о собственных границах, то есть возвращение в себе способности преодолевать эти границы, постоянно совершенствоваться.

В настоящий момент можно сказать, что основной формой «заботы о себе» является изучение философии. В своем Пособии к лекциям по логике Кант, рассматривая понятие философия, писал: «Практический философ – наставник мудрости учением и делом – есть философ в собственном смысле, ибо философия есть идея совершенной мудрости, указывающая нам последние цели человеческого разума» [4. С. 332]. Задача философского образования – побудить человека размышлять обо всем и помочь сформировать собственное мировоззрение, стать самим собой. Изучая философию, мы видим, как менялось человеческое мировоззрение на протяжении веков. Это позволяет нам расширить широту наших взглядов и сформулировать свое непредвзятое мнение о действительности. С XIX в. человек стал воспитываться физикой, химией, биологией, но до этого его воспитывали философией. Стать физиком, химиком или биологом человек может извне. А вот философом человек может стать, только изучая себя, воспитывая в себе способность не зависеть от чужих мнений. Именно занятие философией в течение всей жизни превращают знание о своей разумной природе в рациональный образ жизни, разумный, основанный на опыте, обдуманый. Философия разрабатывает и проектирует познавательные механизмы науки в целом, другими словами, философия определяет потенциал научно-технического, социального, экономического, культурного развития. В этом качестве она и составляет саму суть принципа «заботы о себе» [2. С. 31.].

К образованию личность должна обращаться на протяжении всей жизни. Не случайно одной из современных тенденций является «Long life learning» (LLL), связанная с непрерывающимся получением знаний и умений на протяжении всей жизни [6. С. 72]. Ссылаясь на Эпикура, М. Фуко призывает, «пока ты молод, спеши заниматься философией, и когда ты стар,

спеши заниматься философией. Никогда не бывает слишком рано или слишком поздно позаботиться о своей душе» [7. С. 538]. Данная цитата указывает не только на непрерывность образования посредством философской мудрости, но и на возможность начала обучения, а, значит, и заботы о себе, в любой момент жизни. Чтобы практика «заботы о себе» была эффективной, личность должна выбрать для себя жизненные цели и ценности, поставить задачи, что требует теоретических знаний. Но теория всегда нуждается в практике: только союз знаний и опыта способен дать верное представление о бытии и помочь осознать безграничность своих познавательных возможностей.

Подводя итог, можно сказать, что современное образование, практикующее «заботу о себе», пробуждает практики субъективации, не имеющие ориентации на какие-либо пределы и регулятивы, но способствующие развитию постоянной рефлексии человека относительно себя и бесконечной постановки себя под вопрос.

Литература:

1. Вижо В. Ю. Образовательная субъективность классического университета в поисках научной истины / В. Ю. Вижо, Г. И. Петрова, Н. А. Тарабанов // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2008. – № 312. – С. 37-40.
2. Голенков С. И. Философия как забота о себе // «Забота о себе» как образовательная практика современного классического университета: сб. ст. и материалов международной научной конференции (24-25 ноября) / отв. ред. Г. И. Петрова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. – С. 22-31.
3. Гусаковский М. А. Современный дискурс воспитания в университете: смена правил игры // «Забота о себе» как образовательная практика современного классического университета: сб. ст. и материалов международной научной конференции (24-25 ноября) / отв. ред. Г. И. Петрова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. – С. 3-12.

4. Кант И. Логика: пособие к лекциям 1800г. // И. Кант Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – 712 с.
5. Корбут А. М. Образовательная субъективность и «технологии себя» / А. М. Корбут. – Мн., 2004. – Разд. 2, § 4.
6. Тимирясова А. В. Культура и образование как забота о себе современной личности / А. В. Тимирясова, Е. Л. Яковлева // Вестн. Каз. гос. ун-та культ. и иск. – 2017. – Вып. 1. – С. 69-73.
7. Фуко М. Герменевтика субъекта / М. Фуко; пер. А. Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.

Фокина Юлия Юрьевна

*Студент 2-ого курса Института искусств и культуры
Национального исследовательского Томского государственного
университета*

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЖИВОПИСИ САЛЬВАДОРА ДАЛИ

Аннотация: в статье рассматривается взгляд на человека знаменитого художника XX в. Сальвадора Дали, его параноидально-критический метод, сформировавшийся под воздействием предшествующих художников и философских течений его времени.

Ключевые слова: антропология, философия, иррациональность, параноидально-критический метод, сюрреализм, гротеск.

Антропология в западноевропейской мысли, понимается не только как наука о человеческом теле, но и дисциплина, определяющая причины многогранности природы человека, в том числе и духовной составляющей.

Философское осмысление человека чаще всего связано с осмыслением человека в его внутреннем мире и субъектном образе, где основное внимание уделяется его рациональному мышлению. В этом контексте Вселенная существует в каждом из представителей человеческого рода, все эмоции, переживания, страсти выступают аналогом созидających и разрушающих начал мира.

Поэтому философской антропологией принимаются во внимание сведения, полученные из самых разных областей человеческой жизни, особое значение отводится рефлексии и самонаблюдению. И так человек, постигая себя – постигает мир, постигая мир – постигает себя, каждый такой процесс заканчивается открытием себя с новой стороны. Понятие, обозначающее

самобытность индивида, называется экзистенция, она осуществляется, благодаря различным переживаниям и осмыслениям, направленным на самосоздание себя.

Роль экзистенции в жизни людей творчества, философии сложно переоценить. Мы подошли к такой незаурядной и гениальной фигуре XX века, как Сальвадор Фелипе Хасинто Дали.

Дали рано начал испытывать интерес к живописи, с детства отличался от других – ему нравилось удивлять и впечатлять окружающих, при этом у него со временем возникло достаточно возвышенное мнение о своей личности, которое, по сути, было оправдано. Сальвадор отличался не только необычным поведением, но и талантом. Так, уже в 16 лет он был учеником Художественной академии в Мадриде, здесь он ищет собственный стиль. Однако этот поиск условно длится до 1928 года, в этот период он осваивает в совершенстве многие художественные техники великих мастеров Возрождения и современных ему импрессионистов и сюрреалистов.

Рафаэль Альберти писал: «Несмотря на свою редкую одаренность, Сальвадор Дали каждый день посещал Академию художеств и учился рисовать там до изнеможения».

В последующем Сальвадор Дали приходит к выработке собственного сложного в исполнении и невероятного по вызываемым ощущениям стилю – параноидально-критический сюрреализм, работы, написанные в этом стиле пользовались наибольшей востребованностью. Он продолжал придерживаться его до 1948 года, с этого времени, в его живопись входят философско-религиозные сюжеты.

Подводя итог по систематизации периодов творчества Дали, необходимо сказать, что она отображает главным образом идейно-смысловые изменения, но не принципиальную эволюцию его творчества.

Рассматривая картины 1920-х годов, можно отметить следующее. На них отображается действительность, но отсутствует активность (определенные цвета, вызывающие беспокойство, особая работа со светом),

полотно открывает зрителю бездушный мир. Это делалось С. Дали намеренно, чтобы подтолкнуть к ощущению недосказанности, к тому, что за изображением скрывается большее.

Художник пытается донести до общества мысль о том, что современный мир нездоров, люди ожесточены и бездушны, их эмоции извращены, поэтому их волнуют лишь крайности, например, война (предел активной позиции) и плотские удовольствия (предел страсти).

Сильные эмоции, неконтролируемые желания, порывы, все это составляет иррациональную природу человека, Дали переходит от созерцания этой природы к её познанию и затем, принимает ряд (успешных) попыток изображения.

«Параноидально-критический» метод, созданный им самим, идеально передает смысловую нагрузку образа в критически рациональном осмыслении его подсознательного. Так его понимает художник. Но для воплощения этого метода требуется обладание всеми тонкостями техники владения кистью, чтобы добиться максимально «оптического правдоподобия», создать иллюзию, существования данных образов. «Я утверждал и продолжаю утверждать, что сюрреалистические идеи действительны только тогда, когда они запечатлены с совершенством и в традиционной манере» [1. С.7].

Он видел реальность внутри человека, и в этом контексте считал, что паранойя не просто неизбежна, она необходима, особенно человеку творчества, чтобы структурировать действительность и прийти к истине.

Этот метод несет глубокий философский замысел – образы, прорвавшиеся через столетия, существующие как изображение, только в самых необычных человеческих сновидениях должны были обрести свои контуры на картинах Сальвадора Дали.

Мастер почитал великих художников прошлого (например, Рафаэля, Вермера Делфтского, Веласкеса и пр.), учился на их работах, и поэтому крайне негативно относился к авангардистам и абстракционистам.

Безумные, трансцендентные, психологические состояния, можно наблюдать на многих его картинах, например, в работах «Сон, вызванный полетом пчелы вокруг граната за секунду до пробуждения» или «Видение св. Антония». В работах С. Дали присутствует и отсылка к более ранним мастерам Франсиско Гойи (1746-1828) и Иеронима Босха (1460-1516).

Это одни из любимых художников Сальвадора Дали, первый (Ф.Гойя) – родом, как и он, из Испании, его работы наполнены страстью и эмоциональностью, также важное место в них занимает гротеск, представленный наиболее ощутимо в «Капричос».

И. Босх – нидерландский живописец, его живопись характеризует своеобразный колорит и фантастические сюжеты на средневековом фоне.

С. Дали прибегает к разнообразным приемам для передачи своих идей, одним из которых является оксюморон¹. Художник создает свой личный язык, побуждающий зрителя к размышлению, и здесь недостаточно логических умозаключений или пристального рассмотрения изображаемого объекта, необходимо знание мирового искусства, существующих на тот момент тенденций и многого, многого другого. В этих творениях кроется неисчерпаемый философский смысл – визуализацию получает все, что разрывает человека изнутри, его смятение, страсти, желания и страхи.

Предметы теряют на его полотнах характерные для них черты, действительность больше не представляется целостной – и в этом присутствует в своем роде трагизм. Трагическое в творчестве С. Дали проявляется не только в потере синкретизма, но и в соединении несовместимого (что возвращает нас к такому приему, как оксюморон).

Но художник заимствует элементы не только из поэзии, но и в том числе из литературы – так, он подписывает свои картины, причем, порой, достаточно подробно из чего становится понятно, что каждая его работа – это глубокий анализ, не только внутренний, но и направленный в

---

¹Оксюморон - стилистическая фигура в поэзии, буквально остроумно-глупое, то есть сочетание противоположных по значению слов [Малый академический словарь].

окружающий мир. В его произведениях находит свое место философское противоборство человека с цивилизацией (принимая во внимание сведения из самых разных наук – химии, медицины и пр.). С реалистическим правдоподобием открывается оригинальный мифологический мир, богатый безграничными символами человеческой жизни.

Во всех его сюрреалистических объектах – реально существующие предметы перевоплощались в метафизические, выступали знаками. Таким образом, произведение искусства – это пластическая философская метафора, главное в изображенном (или созданном) предмете – это способность обладать значениями. В картинах С. Дали они получают парадоксальные связи, и обесмысливаются, то есть их смысл расширяется до бесконечности: «В каждой своей картине я стремился изложить целую жизненную программу. Я хотел выразить потерянного человека в холодном и равнодушном мире. Трагедия людей – в их одиночестве» [2. С.1].

Подсознательному, которому уделяет столь пристальное внимание художник, не свойственна однозначность, оно способно наделять вещи особыми характеристиками, в том числе, и человеческими. Отсюда и берет свое начало «мифологическая апперцепция²», значение которой возвышено в искусстве, а в модернизме – преобладающе. Так, например, ужас может восприниматься со смехом.

Порядок вещей и поведение людей в этой концепции выглядят нелогично, эпатажно и поэтому пугающе. Однако, если взглянуть на это под другим углом, то в нашей жизни, подчиненной строгому порядку, людям требуется выплеснуть свои накопившиеся эмоции, но при этом не нарушить устоявшихся запретов. Поэтому общество с таким воодушевлением встречает искусство, дающее человеку этот выплеск через символическое смешение – святого и порочного, страшного и забавного.

---

²Апперцепция — это понятие психо-философского дискурса, выражающее осознанность восприятия, а также его зависимость от прошлого духовного опыта и запаса накопленных знаний и впечатлений [О. В. Суворов].

Эта концепция многое объясняет в его творчестве: своеобразные приемы, порожденных безумием существ, оторванных от привычной реальности объектов, противоречивые связи.

С. Дали придерживался той же цели, что и другие сюрреалисты – запечатление мгновения в максимально разнообразных контекстах через обилие предметов.

Однако, как писал А. Якимович во вступительной статье к «Дневнику одного гения», С. Дали «взял идеи сюрреализма и довел их до крайности. В таком виде эти идеи превратились действительно в динамит, разрушающий ... любой принцип, если этот принцип опирается на основы разума ..., что стало в глазах радикальных новаторов искусства и жизни синонимом обмана и безжизненности» [3. С.1].

Роль С. Дали не исчерпывается визуализацией подсознательного, что, бесспорно, является значимым, он изображает чудовищные хитросплетения, существующие в современном мире и являющимися собой парадоксы. Поэтому некоторые его картины (по мысли художника), призваны спасти "этот безумный, безумный, безумный мир". Особое внимание в своем творчестве С. Дали уделяет переживанию действительности человеком, а не его обыденной жизни. Осмысление времени, чувств. Итак, мы подошли к знаменитому полотну «Постоянство памяти» (1931), которое выступает насыщенной визуализацией «длительности³» Анри Бергсона.

С. Дали применяет в этой картине прием «физический анаморфоз» (искажение), он уничтожает время при помощи известных «мягких» часов. В «Тайной жизни» Дали есть такая запись: «Почему у вас часы растекаются, – спрашивают меня. – Но суть не в том, что растекаются! Суть в том, что мои часы показывают точное время» [4. С.7]. И действительно, несмотря на фантастичность сюжета, картина дает точный по-своему образ времени

---

³Длительность — теория времени и сознания положенная французским философом Анри Бергсоном (три изображения длительности).

(рядом с растекающимся – субъективно-ощущаемым временем, можно увидеть обычные часы – время объективное).

На картине «Постоянство памяти» (1931) Дали изобразил спящее лицо, как символ освобождения бессознательного во сне. Дали являлся поклонником Фрейда, поэтому психоанализ подсознательного выступает содержанием всей его живописи.

Художественный мир С. Дали строится из привычных элементов, но преобразованию подвергаются взаимоотношения между объектами, проявляющимися, порой, в повторах отдельных форм.

Художник мог показывать, как пластическое сходство несовместимых по выполняемым функциям вещей, так и отличия синонимичных, в этом случае господствующая роль отдается контексту – клякса может оказаться уменьшенной копией человеческой фигуры, или дверным отверстием. Это позволяет создать у зрителей ощущение зыбкости окружающего мира, вызвать сомнения в том, как соотносится видимое и подлинное.

Ещё одна его картина «Три знаменитые загадки Галы» (1982 г.). На этом полотне изображен женский профиль, постепенно исчезающий вдаль. Картина выполнена в серебристо-золотых тонах, 2 портрета висят над поверхностью, центральный возлежит на пластине, можно предположить, что это 3 этапа жизни. После ее написания пройдет всего пара недель, и Гала не станет (Гала с французского – «праздник»). С. Дали пережил ее только на 7 лет.

Свой параноидально-критический метод художник также связывал со своей женой: «Этот метод работает только при условии, если владеешь <...> неким живым ядром, некой Гала — а она одна — единственная на всем свете» [5. С.1].

В своем одиночестве он написал всего одну — картину. Она называлась «Мы придем позднее, к пяти часам» (1983). 23 января 1989 года Сальвадор Дали умер в возрасте 84 лет.

Известность ему принесли такие картины, как «Расплывшееся время» (1930) и «Постоянство памяти» (1931). Кроме картин С. Дали оставил после себя внушительное количество статей об искусстве, философии, своем творчестве, всё это сформировало целостную далианскую эстетику, представляющую общечеловеческую ценность для понимания XX века. Бессознательное К. Юнга, подсознательное З. Фрейда получили визуальное воплощение в его живописи, образы, описанные этими философами, он сделал частью изобразительного искусства, для чего потребовались новые приемы в художественной технике. С. Дали транслирует через свою живопись ценность доподлинного изображения, характерного художникам прошедших веков, что позволяет говорить о нем, как о связующем звене.

Следует отметить противопоставление между его эпатажным поведением и глубиной произведений, что вызывает интерес у бесчисленного количества публицистов и исследователей, поэтому литература, повествующая о нем, исчисляется сотнями книг и статей.

Вслед за смертью пришло признание в СССР – в 1994 году в Центральном доме художника состоялась выставка-продажа «Dali без границ». На многих выставленных картинах присутствовало изображение России в образе его русской жены Галы (Елены Дьяконовой).

«Испания и Россия — два симметричных окончания Европы, у них много общего в менталитете, в понимании поэзии и живописи. Рюс — сюр...» («Известия», 4 августа 1994) [6. С.2].

Литература

- 1 Minder R. Gala Dalí's Life Wasn't Quite Surreal, but It Was Pretty Strange
Published on 25 Jul 2018.
- 2 Ruby Jay. Visual Anthropology. In Encyclopedia of Cultural Anthropology,
David Levinson and Melvin Ember, editors. — New York: Henry Holt and
Company, 1996.
- 3 Дали С. „Дневник одного гения“ Издательство: Эксмо, 2008 г.
- 4 Свингхарст Э. „Сальвадор Дали. Исследуя иррациональное“
Издательство: Белфакс, 1997.

Хуторная Ксения Олеговна

студентка 4-го курса философского факультета

Национального исследовательского

Томского государственного университета

**«НЕВЕЖДА», «НЕУЧ», «ПРОФАН», «ЗНАЮЩИЙ»,
«ИНТЕЛЛЕКТУАЛ», «ОБРАЗОВАННЫЙ» – КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ
ПЕРСОНАЖИ ПРОСВЕЩЕНЧЕСКОГО ПРОЕКТА ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация: в статье говорится о познании мира через бинарные оппозиции, о которых в свое время писал известный французский философ и культуролог Клод Леви-Стросс. Приводятся примеры из учения Николая Кузанского, говорившего о том, что в определенном контексте связь между оппозициями становится размытой, и они превращаются в синонимы.

Ключевые слова: бинарные оппозиции, противопоставление, Сократ, ученое незнание.

«Бинарная оппозиция (лат. binarius — двойной, двойственный, состоящий из двух частей) — тип отношений в семиотических системах, в рамках которого знак приобретает свое значение и смысл только через отношение со знаком, стоящим к нему в оппозиции. Например, слово (лингвистический знак) "друг" раскрывает свой смысл через слово "враг", слово "сладкое"— через "горькое" и т.д.» [4].

Бинарные оппозиции нередко используются для передачи и получения информации в самых разных областях знания. Французский этнолог, культуролог и философ Клод Леви-Стросс говорил, что древний человек осмыслял мир в понятиях двоичных оппозиций. Исходным материалом для бинарных оппозиций служат данные, полученные с помощью пяти органов чувств, например, с помощью зрения – яркий/темный, с помощью слуха –

тихий/громкий и так далее, а также оппозиции, которые выражают отношения логических понятий и категорий: живой/мертвый, гниющее/нетленное [2, с. 53]. Полагается, что первобытный человек с помощью метода противопоставления пытался упорядочить свое представление о мире, категоризируя некоторые явления. Более того, в самой основе общественной жизни на архаических стадиях развития культуры лежало антитетическое представление об устройстве общества, например, разделение на мужское и женское, на верх и низ, соответственно и весь мыслительный мир такого общества был организован по принципу противопоставления.

Современному человеку также присуще познавать мир через оппозиции, с самого детства нас обучают через такие пары, как можно/нельзя, принято/не принято, истинно/ложно. Принцип бинарных оппозиций используется и в стихотворном ритме, где все завязано на ударном и безударном слоге, и на уровне биологических ритмов (день/ночь, лето/зима) [3, с. 5].

Неудивительно, что и в образовании появились такие концептуальные персонажи, которые очевидно являются противоположностями друг друга, но при этом, зная одно, можно легко объяснить другое. Оппозиции помогают человеку познавать мир и объяснять его. Через «неуча» мы можем объяснить, кто такой «интеллектуал», а через «знающего» можно объяснить, кто такой «невежда», и так далее.

Казалось бы, невежда и знающий, неуч и интеллектуал, профан и образованный очевидно являются бинарными оппозициями, но сразу же вспоминается фраза древнегреческого философа Сократа: «Я знаю, что я ничего не знаю». Под этими, казалось бы, противоречивыми словами скрывается мысль о том, что в мире невероятное множество вещей, которые можно увидеть, но невозможно ни понять, ни объяснить, даже обладая всеми знаниями, накопленными человечеством. Люди часто полагают, что знают что-то, не осознавая ничтожность их знания. Сократ же полагал, что, зная о

своем незнании, он уже знает больше большинства людей. И настоящая сила человека в том, чтобы стремиться к мудрости, даже осознавая всю незначительность и малость своего знания.

Следовательно, в одной фразе Сократ выступил и как знающий, и одновременно незнающий, что сделало в данном контексте грань между оппозициями, с первого взгляда, более тонкой и расплывчатой. Однако «ничего не знаю» по сути тоже является некоторым знанием, пусть даже о своем собственном незнании, но при этом это знание может быть даже большим, чем то, которым обладают другие. Соответственно, невежды – те, кто думает, что обладают знанием, а знающий – тот, кто понимает, что этим знанием не обладает.

Подобная мысль была выражена в труде философа Николая Кузанского «Об ученом незнании» (1440 год), главной мыслью текста была идея о том, что чем больше мы пытаемся познать Бога, тем меньше мы его познаем, чем сильнее наше стремление познать Истину, тем больше мы убеждаемся в своем незнании. Познавая что-либо, мы остаемся в рамках неведения, однако это неведение превращается в ученое незнание. И благодаря усердному и непрерывному старанию познать истину, мы можем понять, что познать ее невозможно. Истина неуловима сама по себе и совершенно непостижима, но тем не менее, чем больше ученость в «незнании истины», тем ближе мы приближаемся к ее познанию. Процесс стремления нашего разума к познанию истины бесконечен, ум не сможет постичь истину до конца, но будет бесконечно пытаться приблизиться к ней. Лишь невежда может говорить, что он познал, а истинный мудрец понимает, что он ничего не знает.

Схожая мысль встречалась в текстах философов и писателей. Так, в романе известного русского писателя и философа Льва Толстого Пьер Безухов, один из главных героев «Войны и мира», говорит, что *«Ничего не найдено, ничего не придумано. Знать мы можем только то, что ничего не знаем. И это высшая степень человеческой премудрости»*.

Таким образом, невежда и знающий в некоторых контекстах могут показаться с первого взгляда не противопоставлением, а даже синонимами, ведь философы заявляют, что они мудрецы, потому что знают о своем невежестве. Однако не стоит забывать о том моменте, что знание даже о своем невежестве остается знанием, причем которым далеко не все обладают. Ведь многие люди уверены, что знают все. И в таком случае невежда и знающий все также будут противопоставлением.

И в конце хотелось бы сказать, что бинарные оппозиции несомненно, играют важную роль в познании и упорядочивании мира, преобладая в разных сферах знания. Однако некоторые пары бинарных оппозиций, играющие роль противоположностей в обыденном сознании, могут показаться синонимичными в рамках определенного контекста, как это было видно на примере известного изречения древнегреческого философа Сократа, а также в работе Николая Кузанского, но при должном понимании пары невежда и знающий, неуч и интеллектуал, дилетант и образованный все также остаются бинарными оппозициями, способными помочь в познании мира.

Литература

1. Кузанский Н. Об ученом незнании. – М.: Академический проект, 2015. – 161 с.
2. Леви-Строс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 430 с.
3. Цивьян Т. В. Лингвистические основы Балканской модели мира. М., 1990. – 210 с.
4. Энциклопедия культуры и общества. [Электронный ресурс]. – URL: <http://glossword.info/index.php/list/37-entsiklopediya-kul-tury-i-obschestva/3,Б.xhtml> (дата обращения: 19.12.2018).